ЖОРЖ БЛОН

Великие тайны океанов

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

ПОЛЯРНЫЕ МОРЯ

Великий час океанов

Жорж Блон

Великие тайны океанов. Средиземное море. Полярные моря

«Азбука-Аттикус»

1973, 1975, 2011

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Блон Ж.

Великие тайны океанов. Средиземное море. Полярные моря / Ж. Блон — «Азбука-Аттикус», 1973, 1975, 2011 — (Великий час океанов)

ISBN 978-5-389-23279-2

История исследования и освоения бескрайних просторов мирового океана — это история отваги, предприимчивости и упорства. В центре масштабного замысла популярного французского писателя Жоржа Блона — Человек и Море в их разнообразных, сложных, почти мистических отношениях. Все великие мореплаватели были в определенном смысле пленниками моря, которое навсегда покорило их сердце. Все они, начиная с древних викингов или финикийцев, были одержимы морем, мечтой о новых морских путях и неведомых землях. О великих покорителях великих океанов и рассказывает эпопея Жоржа Блона. В новом издании на русском языке книги из серии «Великие тайны океанов» («Великий час океанов») проиллюстрированы репродукциями картин, гравюр, карт, фотографий — исторических изображений, так или иначе связанных с увлекательными сюжетами Жоржа Блона. Кроме того, книги снабжены обширным справочным материалом, включающим карты, словари имен, морских терминов и названий судов и летательных аппаратов. Вторая книга серии поведает историю освоения Средиземного моря — колыбели европейской цивилизации, и героического покорения Северного Ледовитого океана и холодных морей, омывающих Антарктиду. Восход и закат Римской империи, крестовые походы, история пиратства, поиски новых морских путей, отважные попытки добраться до полюсов, безымянные первопроходцы ледяных равнин и легендарные научные экспедиции XX века — грандиозные события истории человечества оживают в увлекательных рассказах Жоржа Блона. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-23279-2

© Блон Ж., 1973, 1975, 2011
© Азбука-Аттикус, 1973, 1975, 2011

Содержание

Средиземное море 9
Глава первая 10
Глава вторая 63
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Жорж Блон
Великие тайны океанов: Средиземное море; Полярные моря

Georges Blond
LA MÉDITERRANÉE
Copyright © Presses de la Cité, un département de Place des Editeurs, 1973
Copyright © Omnibus, un département de Place des Editeurs, 2011
LES MERS FROIDES
Copyright © Presses de la Cité, un département de Place des Editeurs, 1975
Copyright © Omnibus, un département de Place des Editeurs, 2011
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Аркадия Григорьева

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

АЗБУКА

© А. М. Григорьев, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Средиземное море

Морская навигационная карта Средиземного моря, составленная португальским картографом Луисом Тейшейрой. Ок. 1600

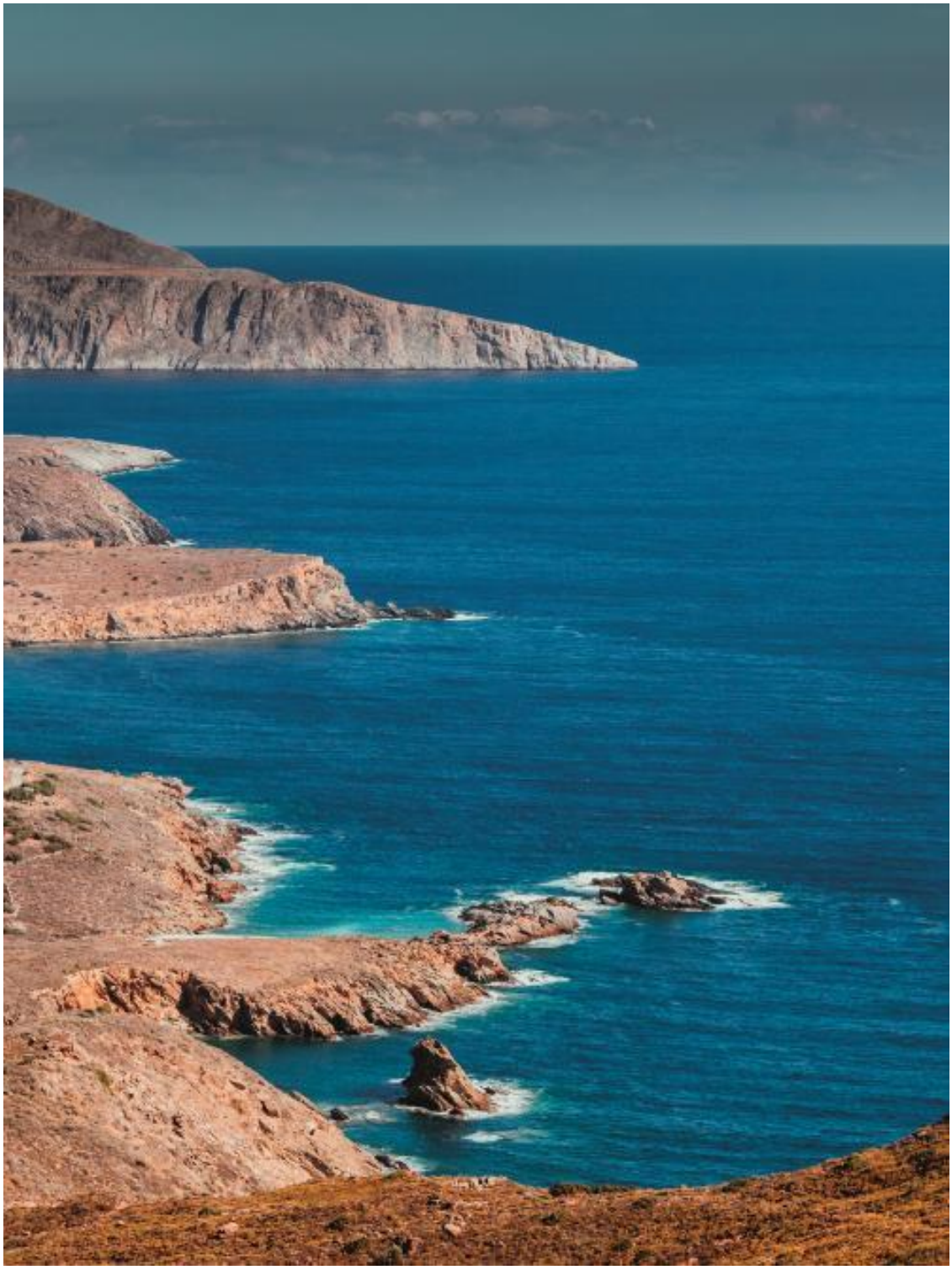
Глава первая
Обсидиановые пластинки

Древнейшие цивилизации Земли родились на небольших территориях по берегам нескольких рек – Тигра, Евфрата, Нила, Инда, Янцзы. Периодические наводнения благоприятствовали развитию земледелия, а процветание государства создавало, в свою очередь, условия для изобретательства и совершенствования техники. Уже пять тысяч лет назад жители Месопотамии занимались сельским хозяйством, использовали колесо, плавили медь, обрабатывали металлы, изготовляли керамическую посуду, строили великолепные здания. Тысячу лет спустя их потомки – шумеры увеличили урожаи зерновых культур благодаря искусственному орошению, изобрели клинопись, вывели новые породы скота, показали себя искусными ювелирами. На берегах Инда и одного из его притоков археологи раскопали развалины двух городов – Мохенджо-Даро и Хараппы, построенных за три тысячи лет до нашей эры; в каждом из них действовала единая система канализации. В ту же эпоху китайцы занимались освоением бассейна Янцзы, его осушением, ирригацией. Они разводили шелковичных червей, ткали чудесные ткани, искусно обрабатывали бронзу. Первые властители Египта справились с разливами Нила, выстроив плотины и каналы, создали централизованное государство, возвели великолепные гигантские памятники. Эти немые свидетели удивительной цивилизации высятся до сих пор, поражая наше воображение своим величием и красотой. Перед громадными пирамидами в молчании застывает даже самый рассеянный турист, стоит гиду напомнить, что они сооружены пять тысяч лет назад.

Однако великий час Средиземного моря пробил за четыре тысячи лет до возведения пирамид.

Еще несколько лет назад я не мог бы написать предыдущую фразу. Историки считали, что ни один житель Средиземноморья не выходил в открытое море ранее пятого тысячелетия до нашей эры. Конечно, люди плавали вдоль берега, но никто не решался совершить настоящее плавание – когда земля исчезает из виду и уходит за горизонт. Ни на Средиземном, ни на каком другом море земного шара.

Но вот в пещере Франхти, на востоке Пелопоннесского полуострова, начались археологические раскопки – там была сделана находка, о которой стоит рассказать. Сомневаюсь, что хотя бы одна крупная французская газета обмолвилась о ней. А ведь речь шла о новом проникновении в глубь истории человечества.



Полуостров Пелопоннес. Береговая линия © iStock by Getty Images

Рыбацкая деревушка Франхти стоит на берегу залива Арголикос, недалеко от Аргоса и Микен. Из деревни хорошо виден скалистый склон и громадная расщелина в нем. Это вход в пещеру: длина ее около 60 метров и ширина – 50 метров. Жители деревни частенько ходят туда за холодной родниковой водой.

Весной 1967 года в деревушке появилась группа американских археологов. Их возглавлял профессор Томас Якобсен из университета штата Индиана. Археологическое управление Греции дало согласие на раскопки и приняло в них участие.

Археологи начинают работу в пещере. Нередко на раскоп приходят мальчишки-пастухи, глаза их сверкают от любопытства. Конечно, сейчас мало кто полагает, что археологи обходятся одними кирками, но далеко не всем известно, сколь тонкими стали методы исследования. От внимания ученых не ускользает ни один кубический сантиметр почвы.

– Мы используем метод «водного сита», – объясняет профессор Якобсен. – Все, что представляет интерес, помещается в сосуд с чистой водой. Более тяжелые неорганические частицы оседают на дно, а органические всплывают. Мы их вылавливаем с помощью тончайшей металлической сетки, затем собираем осадок.

Собранное вещество высушивается, взвешивается, измеряется, анализируется, идентифицируется, классифицируется. Так проводится послойное исследование почвы. Радиоуглеродный метод анализа позволяет точно датировать возраст. Американские археологи зафиксировали уровень, соответствующий двадцатому тысячелетию до нашей эры.

– Пещера, – продолжал профессор Якобсен, – была обитаемой уже с этого времени вплоть до третьего тысячелетия до нашей эры. Другими словами, в позднем палеолите, мезолите и неолите. Уникальный случай в древней истории.

Находка, которая особенно нас интересует, была сделана, когда археологи исследовали слой, относящийся к середине восьмого тысячелетия до нашей эры. С точки зрения профана, в ней не было ничего необычного. Археологи наткнулись на обсидиановые пластинки.

Обсидиан представляет собой черный стекловидный материал вулканического происхождения. В каменном веке из него делали топоры, наконечники копий, ножи и прочие инструменты.

Как очутились эти пластинки в пещере Франхти? Ответ мог дать любой сотрудник профессора Якобсена.

– В Средиземноморье есть одно-единственное месторождение обсидиана, и находится оно на острове Милос.

Пластинки отправили в Лондон для анализа. А через неделю пришел ответ: «Вне всяких сомнений, это милосский обсидиан».

Милос, или Мелос, – самый западный из Киклад; этот остров вулканического происхождения, площадью 161 квадратный километр, расположен в 140 километрах от континентальной Греции; именно там в 1820 году была найдена всемирно известная статуя Венеры. Люди заселили его лишь в третьем тысячелетии до нашей эры. Но месторождение обсидиана начало разрабатываться значительно раньше. Критяне, потом финикийцы тысячелетиями возили этот материал с Милоса в Грецию, Ливан, Египет, Сицилию. Рене Седийо считает, что критяне начали добывать обсидиан на Милосе в пятом тысячелетии до нашей эры.

Находка во Франхти отодвинула эту дату на две с половиной тысячи лет. И перед археологами встал новый вопрос:

– А кто доставил пластинки с Милоса во Франхти? Критяне? Значит, они совершали дальние плавания в куда более ранние времена, чем считалось до сих пор?

– Я думаю, – сказал профессор Якобсен, – что за обсидианом плавали сами арголийцы. В середине восьмого тысячелетия до нашей эры у них уже были корабли.

На чем основывается такое утверждение? Пока еще не найдено остатков ни одного судна того времени. Однако справедливость слов профессора Якобсена подтверждается другими интересными находками в пещере Франхти. В частности, рыбьими костями, которые свидетельствуют, что обитатели пещеры ловили рыбу еще в доисторические времена. Тщательный анализ костей дал и другую важную информацию. Кости, найденные в более ранних слоях, были очень мелкими, поскольку рыбаки тогда обычно промышляли у берега.

– А в слоях, относящихся к середине восьмого тысячелетия до нашей эры, появились значительно более крупные рыбьи кости – их толщина достигает четырех сантиметров. Возможно, это кости тунца. Люди стали ловить рыбу в открытом море. У них появились суда. Потому я и сказал, что за обсидианом на Милос плавали сами арголийцы.

Обсидиановые и костяные орудия труда из пещеры Франхти. X–VII тыс. до н. э.

Сто сорок километров в открытом море. Сегодня такое плавание грандиозным не назовешь, хотя капитаны яхт хорошо знают, как оно усложняется, если мельтеми (так называют на Кикладах северный ветер) задует посильнее. Но за шесть с лишним тысяч лет до Троянской войны такой переход был подвигом. И даже если его совершили критяне, его значение

не следует преуменьшать, поскольку Крит находится от Милоса на таком же расстоянии, как и Милос от континента.

В те времена Средиземное море было наверняка богаче рыбой, чем другие моря, и к тому же оно довольно спокойно в определенное время года. И совершенно естественно, что именно оно стало колыбелью рыболовства и дальних плаваний. Рыба и климат. Взгляните на карту, и вам станет ясно, что все началось в Восточном Средиземноморье. Россыпь островов в Эгейском море благоприятствовала развитию мореходства, так же как и режим ветров, связанный с движением Солнца. Но ни одно путешествие, ни один подвиг нельзя объяснить только географическими условиями. В жилах древних средиземноморцев текла, наверное, более горячая и соленая кровь, чем у прочих жителей Земли. Они рискнули потерять из виду родные берега и двинуться навстречу неизвестности, которая леденила сердца даже самых отважных.

По предположениям некоторых ученых, легендарный континент Атлантида есть не что иное, как Крит, памятники и города которого были разрушены землетрясением. Оно же уничтожило и часть острова Санторин (Тира[1]), где располагалась критская колония. Если это соответствует действительности, то морские подвиги критян не могут вызвать у нас удивления. Более того, они выглядят весьма скромными, если вспомнить о тоннаже описанных Платоном морских судов атлантов. Среди утлых суденышек критских мореходов нет ни одного столь крупного судна.

Фреска с изображением кораблей, найденная на острове Тира. Крито-минойская цивилизация. Ок. 1660–1650 до н. э.

Подводные археологи не подняли из морских глубин ни одного критского судна той эпохи или каких-либо остатков подобных судов. В нашем распоряжении есть лишь несколько рисун-

[1] *Тира* – остров вулканического происхождения площадью 74 км^2 в группе островов Санторин архипелага Киклады (Эгейское море). Извержение вулкана Санторин на о. Тира (около 1500 г. до н. э.) фактически привело к гибели Критского царства и, видимо, послужило основой мифа о гибели Атлантиды.

ков и небольших моделей, но правильно определить, что они изображают, не так-то легко. В музее Ираклиона[2] (Крит) выставлен небольшой (30 см) продолговатый предмет из глины, найденный в Палекастро (Крит) и датированный третьим тысячелетием до нашей эры.

– Глиняная лампа!

Нет, приглядитесь внимательнее. Это судно с высоко поднятым скошенным носом и округлой кормой. А вот фрагменты сосудов (2800 лет до нашей эры, найдены на острове Скирос, Киклады), на которых выгравированы тысяченожки. Но нет, это вовсе не насекомые, это суда, а то, что кажется лапками, – весла или, быть может, гребки. Если художник не преувеличил их количество, то суденышки имели около десяти метров в длину. Мачты нет. Специалисты по судостроению считают, что эти суда не были пирогами, выдолбленными из ствола дерева, а были сшиты из досок, быть может обтянутых кожей.

Позже (второе тысячелетие до нашей эры) критяне стали строить более округлые суда, с мачтой и парусом, но гребцы на них остались. Такие суда изображены на печатях и украшениях. Нам известно, какие грузы, кроме обсидиана, перевозили эти мореплаватели на своих судах. Предметы и изделия критского происхождения часто встречаются на островах и вообще в Средиземноморье. Критские гончарные изделия были найдены и в Македонии, и в Малой Азии, и в Египте, и на острове Сицилия. С развитием критской цивилизации товары становились все разнообразнее и ценнее – украшенное оружие, изделия из керамики, ювелирные поделки, цветные камни и, наконец, модные женские наряды.

Три дамы. Фреска из Кносского дворца. Крит. XVI в. до н. э.

Никакие античные изображения не вызывают столь сильного ощущения светской утонченности, как фрески из музея Ираклиона, на которых мы видим очаровательных модниц в элегантных одеяниях почти современного покроя. И эта элегантность стала предметом экс-

[2] *Ираклион* (бывш. Кандия) – город на о. Крит. Археологический музей с богатейшим собранием эгейского искусства. Вблизи Ираклиона – руины древнего города Кнос.

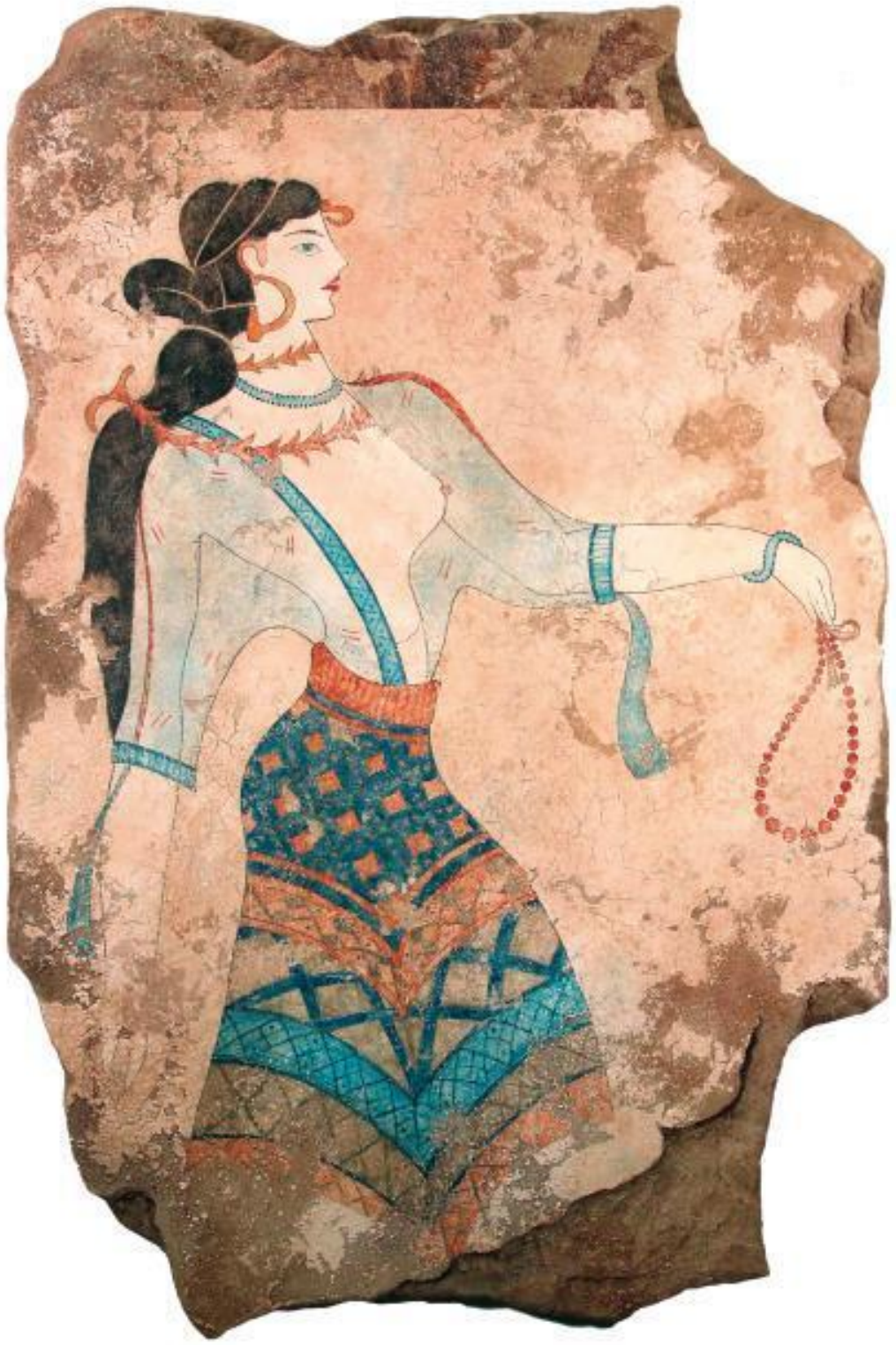
порта: на многих египетских фресках изображены женщины в типично критских платьях со смелым декольте. Критские портные знакомили свою заграничную клиентуру с новинками, рассылая в качестве каталогов раскрашенные статуэтки.

Но мы слишком быстро перешагнули через многие века, расставшись с первыми смелыми моряками, возившими обсидиан. Критские моряки не были единственными мореплавателями Средиземноморья – их конкуренты подняли паруса задолго до апогея критской цивилизации.

Керамические сосуды с изображением осьминогов. Крит. 1500–1450 до н. э.

Третье тысячелетие до нашей эры. Прибрежная деревушка где-то между Хайфой и заливом Искендерун. Ее обитатели живут в пещерах либо в глинобитных хижинах, крытых соломой; их нельзя назвать несчастными, ибо земля здесь плодородна, а жара не так уж невыносима – ветры с гор Ливана несут прохладу. Жители выращивают злаки и овощи, сажают фруктовые деревья, вокруг деревушки пасутся небольшие стада коз и овец. Отдельные смельчаки ловят рыбу в прибрежных водах с борта суденышек, похожих на критские суда. Возможно, критяне когда-то побывали здесь.

Жизнь течет с библейской размеренностью, и единственное достойное внимания событие – сезонный перегон овечьих стад. Каждое лето пастухи гонят небольшие овечьи стада окрестных деревушек на вечнозеленые пастбища Ливанских гор; осенью они возвращаются обратно. Рождение и смерть, иногда убийство, похищение женщины или скота; но преступления случаются редко, ибо жесткие социальные и религиозные предписания сдерживают страсти; все живут так, как жили их отцы и деды.



«Модница» с фрески из Акротири. Остров Тира. Крито-минойская цивилизация. Ок. 1500 до н. э.

Но однажды с юга приходят люди – мужчины, женщины, дети. Они гонят перед собой домашний скот. Они совсем не похожи на прибрежных жителей. Речь их непонятна, но языковой барьер быстро преодолен. Новоприбывшие объясняют, что пришли издалека, из страны песков и бесплодных гор, – из Синайской пустыни. Так на побережье появились предки финикийцев.

Их приход не имеет ничего общего с вторжением. Пришельцы появляются то в одной, то в другой деревне побережья. Миролюбивое население принимает их, но браки с пришельцами редки, и последние сохраняют основную черту своего характера – предприимчивость, которой нет у земледельцев и пастухов. Со временем пришельцы становятся хозяевами страны.

Богиня шафрана. Фреска из Акротири. Ок. 1600 до н. э.

Финикийцы – народ семитской расы – известны всему миру. Вначале они поселились на небольшом участке побережья. Финикийцы превосходно использовали географическое положение и природные богатства страны, об эксплуатации которых не помышляло ее первоначальное население.

Рыбная ловля. И не просто ловля рыбы у берега ради собственных нужд – в открытое море уходят уже настоящие суда, а не утлые лодчонки, изготовленные из нескольких досок. Чтобы построить прочное судно, надо доставить с Ливанских гор знаменитый кедр, древесина которого не подвержена гниению. Финикийцы создают морской флот. Рыба, которой кишат прибрежные воды (финикийское название города Сидон (ныне Сайда) означает «место рыбной ловли»), перестает быть продуктом потребления только местного населения – финикийцы вскоре находят вещество, позволяющее хранить, а следовательно, транспортировать и продавать рыбу.

Это соль. Их робкие предшественники создали крохотные прибрежные соляные бассейны. А финикийцы снаряжают целые караваны для перевозки соли с Мертвого моря: один литр воды дает 200 граммов соли. Финикийцы ведут дело с размахом. Везде, где возникли их торговые колонии, то есть на всем побережье Средиземного моря и на океанских берегах Испании и Марокко, финикийцы занимаются засолкой рыбы.

Фортуна улыбается предприимчивым и смелым. Однажды вблизи Тира пастушья собака разгрызла раковину какого-то моллюска, и ее морда тут же окрасилась в невиданный красновато-фиолетовый цвет. Моллюска назвали «мурекс» (murex), или багрянкой, а краску – пурпуром. Пурпур поразил воображение античного мира и стал символом величия и мощи. Каждый моллюск дает лишь две капли краски, и цены на нее невероятно высоки. В разных местах бывшего финикийского побережья найдены обломки раковин мурекса, разбитых одним и тем же способом. В Сидоне обнаружен целый холм таких осколков – сто метров в длину и семь в высоту. Финикийцы использовали и «заморский» мурекс, в частности из южной части Пелопоннеса. За это они получили от греков прозвище «красные люди».

Удивительный народ. Народ первооткрывателей, смелых и одновременно расчетливых. Умный народ, придумавший алфавит. Финикийцы умели извлечь пользу из любой ситуации, не упускали ни малейшей возможности. Стоило им создать флот, как все караваны Востока устремились в Финикию, ставшую важнейшим центром торговли. Богатый Египет желает экспортировать зерно, но нуждается в лесе – и финикийцы везут ливанский кедр на Нил. Египтяне использовали древесину кедра для своих скульптур уже в середине четвертого тысячелетия до нашей эры. Самое древнее свидетельство о морском путешествии относится к эпохе фараона Снофру (IV династия, приблизительно 2613–2589 годы до нашей эры), который праздновал прибытие сорока кораблей с грузом кедра из финикийского порта Библ (ныне Джебейль, Ливан).

И финикийцы же развозят по миру египетское зерно. Они договариваются с критянами (или заставляют их согласиться на это) о совместной добыче милосского обсидиана, они предоставляют свои суда и своих моряков любому, кто нуждается в их услугах. В порту Эцион-Гевер (ныне Эйлат), на берегу залива Акаба Красного моря, они строят суда для царя Соломона. Потом финикийские моряки поведут эти суда в легендарную страну Пунт (ныне Эритрея). Строительство, продажа, фрахт, фрахт-продажа – все, что пожелает клиент.

Чаще говорят «финикийцы», но не «Финикия», поскольку побережье, где они жили, вряд ли можно считать их родиной. Десяток городов, более или менее зависимых от одного из трех важнейших центров – Библа, Сидона или Тира – и связанных общими интересами и торговыми соглашениями, – вот что такое Финикия. Нечто вроде Союза ганзейских городов[3] при полном отсутствии ура-патриотизма и национализма.

[3] Иначе: *Ганзейский союз, Ганза* – торговый и политический союз северонемецких городов во главе с Любеком, существовавший в XIV–XVI вв. (формально до 1669 г.).

Финикийский мореплаватель. Иллюстрация из книги Эдварда Эллиса и Чарльза Хорна «История великих народов». 1913

Финикийская экспансия поражает. Вначале Восточное Средиземноморье, где в качестве конкурентов выступают критяне, вскоре, однако, попадающие под торговое владычество финикийцев (после гибели от землетрясения части острова Тира, или Санторин); встреча финикийцев греками, которые заимствуют алфавит пришельцев, ибо их успехи ошеломляют; затем мирная колонизация Кипра. С Кипра, при поддержке своих морских баз Библа, Тира и Сидона, финикийцы устремляются на запад. В 1100 году до нашей эры – рывок за Гибралтар и основание первой торговой колонии Гадес (ныне Кадис). Потом создаются торговые колонии на Мальте (VIII век до нашей эры), в Карфагене (начало VII века до нашей эры), в Эс-Сувейре. Несомненно, финикийцы лучшие моряки того времени.

И более других в этом уверен фараон Нехо II. Не дать Египту замкнуться в своих границах, расширить обмен с иноземцами – таково основное направление его политики. Внешняя торговля египтян процветает благодаря финикийцам, но Нехо II желает превзойти финикийцев. Идет 600 год до нашей эры.

– Вы совершите великую экспедицию в мою честь. Выйдете из Красного моря, обогнете Ливию (древнее название Африки), вернетесь в Северное (Средиземное) море, пройдя Геркулесовы столбы (Гибралтар), и прибудете в Египет.

К кому обращался с такой речью фараон – неизвестно, но такова была ее суть, если верить Геродоту, который посетил Египет полтора века спустя и интересовался этим путешествием.

«Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу… всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы столпы и прибыли в Египет».

Выдающийся подвиг, но рассказ о нем столь краток, что вызывает скептицизм.

Могли ли древние моряки пройти тринадцать тысяч миль без компаса, запасов питьевой воды и пищи? И зачем предпринимать такую экспедицию? Если бы она состоялась, то были бы и другие экспедиции. Незачем было бы ждать два тысячелетия, пока другой мореплаватель (португалец Диаш) обогнет Африку в обратном направлении.

В наши дни все больше ученых склонны поверить в этот подвиг. Лаконизм Геродота не должен нас удивлять, поскольку известно, с какой тщательностью древние мореплаватели, и особенно финикийцы, хранили тайну морских путей. Мы еще узнаем, как жители Средиземноморья плавали по морю без компаса, а финикийцы, нанятые Нехо II, и подавно могли без него обойтись, ибо всегда плыли вдоль берега. Вытаскивать суда на берег осенью и вновь уходить в море с наступлением благоприятной погоды было в обычае у средиземноморцев, и эта традиция сохранялась до конца Средневековья. Так же как и обычай выращивать хлеб во время долгих остановок, чтобы обеспечить себя припасами для дальнейшего плавания. А ведь финикийцы умели еще и ловить рыбу. Срок путешествия правдоподобен. Правдоподобно и то, что Нехо II не стал снаряжать новых экспедиций, сочтя этот первый морской поход слишком долгим.

Ничто не вечно на земле. Время развеяло величие финикийцев в тот день, когда упоенный победами Александр Македонский прибыл под стены Сидона и Тира. Это было в 331 году до нашей эры. Сидон сдался, Тир пал после семимесячной осады. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Карфаген заявил о своей независимости и вскоре завладел всеми торговыми колониями финикийцев в Западном Средиземноморье. Но и Карфаген не устоял под ударами Рима. Историки не раз рассказывали о судьбе Карфагенского государства, но в его истории остались «белые пятна»: архивы карфагенян систематически уничтожались победителями.

Весна 1960 года. Ловец губок, турок, который выглядит старше своих лет из-за многочисленных морщин на лице и изъеденных солью глаз, объясняется с американцами через переводчика:

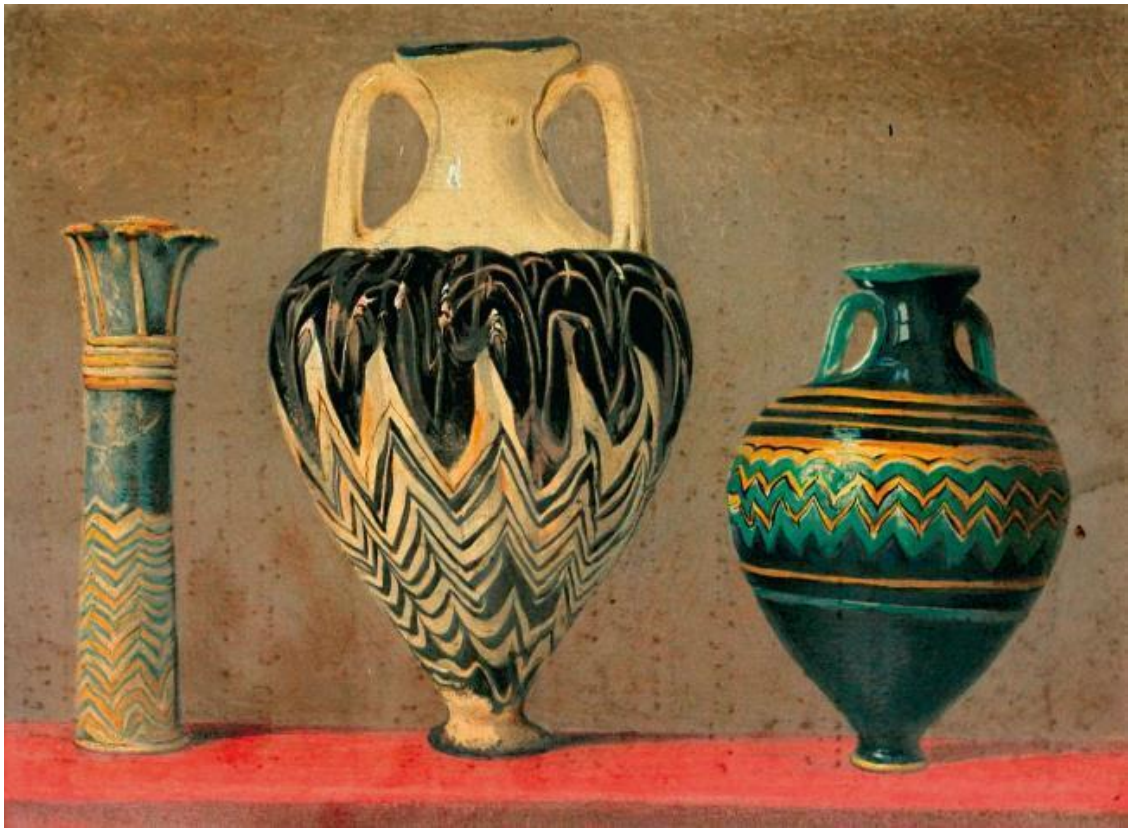
– Затонувшее судно лежит на скале на глубине тридцати метров. От него почти ничего не осталось, только несколько кусков дерева.

Американского археолога звали Питер Трокмортон. Когда он несколько месяцев назад услышал об остатках судна, то тут же вспомнил надпись на глиняной табличке, найденной в 1929 году среди руин финикийского города-государства Угарит (ныне Рас-Шамра в Сирии), к северу от Латакии. Текст, относящийся к началу второго тысячелетия до нашей эры, описывал античный морской путь из Финикии на Крит: мимо Кипра, затем вдоль побережья Малой Азии и вокруг мыса Гелидония, там, где, по словам турецких ловцов губок, и покоилось затонувшее судно.

Работы начались через несколько недель. Обычно ил, оседающий на обломках, предохраняет их от разложения. Здесь же, вблизи Гелидонии, дело обстояло иначе. Дно было скалистым, и древоточцы съели бóльшую часть корпуса.

Питер Трокмортон приказывает разбить место кораблекрушения на квадраты. Ныряльщики укладывают на дно конструкцию из пластмассовых труб поверх и вокруг судна, – таким образом, местоположение каждой находки определяется с точностью до сантиметра. С помощью детектора металлов и магнитометра устанавливается присутствие в конкрециях металлических предметов.

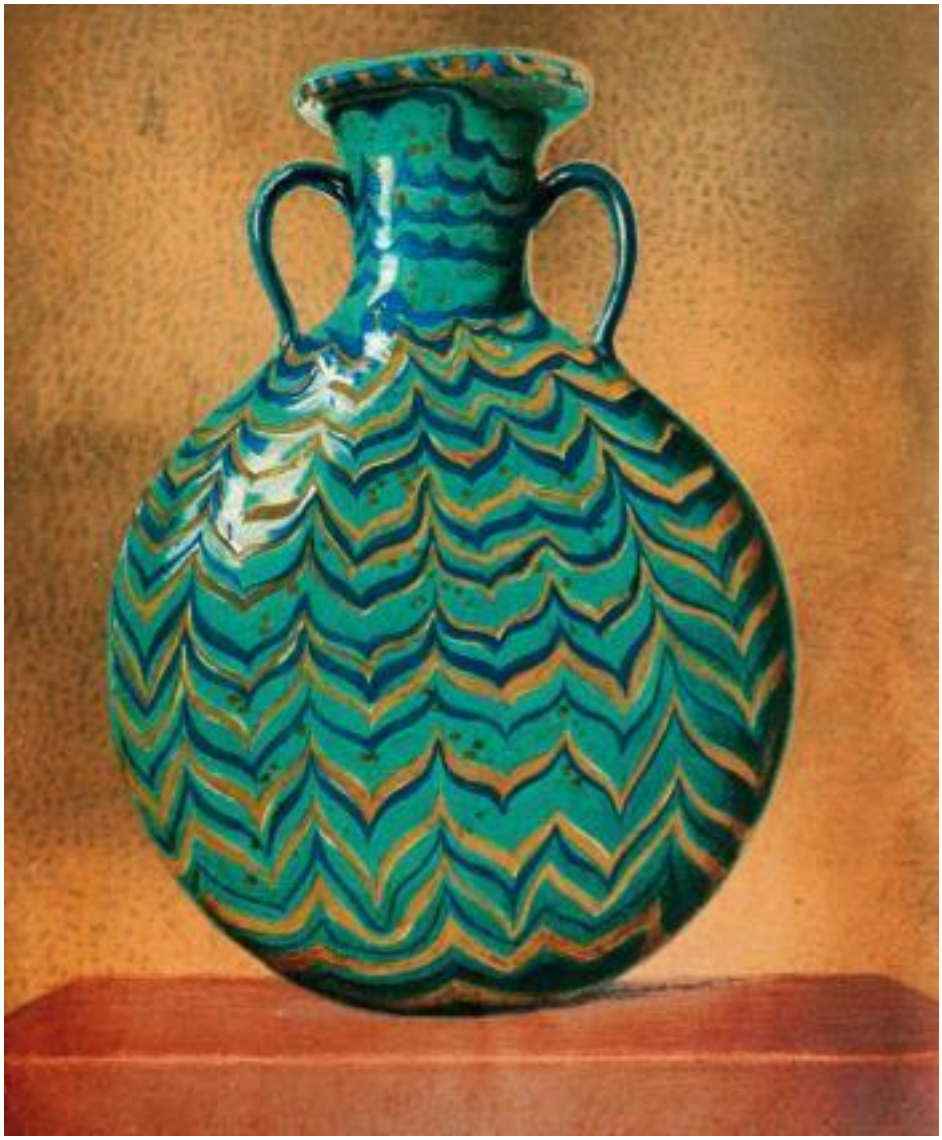
– Прекрасно! – одобряет археолог. – Это доказывает, что мы имеем дело с очень древним объектом.



Финикийские стеклянные сосуды. XI–X вв. до н. э.

Затем исследователи отсасывают песок, пускают в ход молотки, подъемники (наполненные воздухом шары), сита. Каждый этап работы фотографируют – составляется научный архив. Конкреции осторожно разбивают, предметы, заключенные в них, осматривают, измеряют, взвешивают. Деревянные обломки, пропитанные водой, подвергают специальной обработке, иначе они рассыплются в пыль, как только высохнут. Их опускают в ванну с полиэтиленгликолем. За шесть месяцев смесь пропитывает дерево, вытесняя воду. После сушки полиэтиленгликоль затвердевает, и обработанный предмет сохраняет свой объем. Вот резюме первого отчета Питера Трокмортона:

«Радиоуглеродный анализ остатков корпуса указывает на то, что судно было построено примерно в 2000 году до нашей эры. Груз состоит из 34 медных слитков весом до двух килограммов каждый; кроме того, имеются бронзовые и оловянные слитки, два каменных молота, которыми финикийцы обычно обрабатывали металл, точильный камень и множество полировальных камней. Вряд ли можно считать все это товарами, скорее всего, груз был частью оборудования плавучей кузницы.



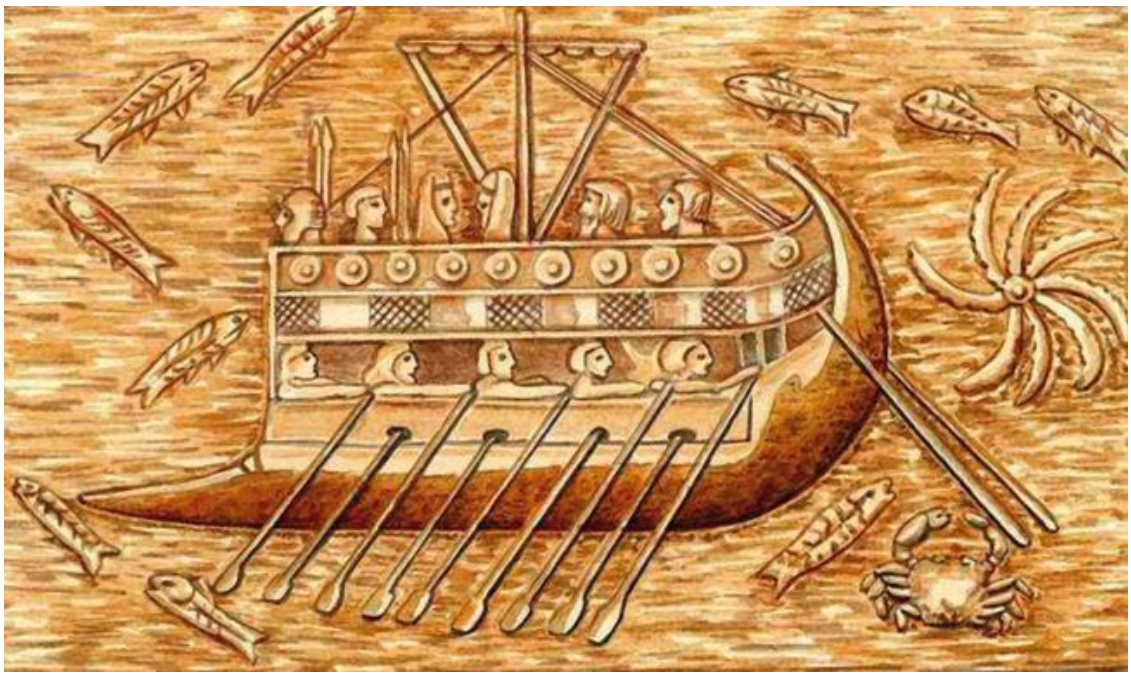
Египетский стеклянный сосуд. *XIV–XIII вв. до н. э.*

Надписи на слитках и орудиях труда свидетельствуют, что их изготовили на Кипре в начале второго тысячелетия до нашей эры. Это же подтверждается возрастом деревянных частей корпуса. Найдено несколько предметов, принадлежавших кузнецу или членам экипажа: сирийская цилиндрическая печатка, каменные ступки и глиняная лампа того же происхождения; несколько наборов гирь из гематита (железная руда), которыми пользовались в Сирии, Малой Азии и на Крите».

Благодаря разбивке дна на квадраты все поднятые предметы и части корпуса были уложены в том же порядке, в каком они располагались под водой. Затем археологи измерили длину плавучей кузницы: около девяти метров.

Финикийцы строили и более крупные суда. В послании царю Угарита царь хиттитов (XIII век до нашей эры) просит предоставить ему судно и экипаж для перевозки в два рейса 200 мер зерна, то есть примерно 250 метрических тонн за рейс. В другом послании к тому же властителю содержится просьба о снаряжении 150 судов. Время и море расправились с великолепным торговым флотом финикийцев и не оставили нам ничего, кроме обломков скромного суденышка морехода-кузнеца, которое затонуло со всем своим грузом у мыса Гелидония четыре тысячи лет назад.

Проследив путь корабля, мы обнаружим, что кормчий уводил суденышко в открытое море по меньшей мере дважды за рейс, а ведь в те времена плавали без компаса. Как и жители Океании, которые уходят в океан на своих пирогах, средиземноморские мореходы античности ориентировались днем по солнцу, а ночью по звездам и превосходно знали все течения. Мореплавание без помощи мореходных инструментов достигло в древние времена трудновообразимого для нас совершенства.



Финикийский торговый корабль с рельефа из Ниневии. VIII в. до н. э.

Ветры Восточного Средиземноморья одновременно и переменчивы, и регулярны: известно, какие ветры дуют в каждом районе утром, днем и вечером; таким же образом обстоит дело и с течениями. И сегодня «Лоция Эгейского моря» дает точные советы по использованию ветров и течений, а рыбацкие и каботажные суда здесь почти никогда не пользуются компасом, даже если земля скрывается за горизонтом.

В Атлантическом океане, с его самой высокой в мире плотностью движения судов, вы можете плыть неделю за неделей и никого не встретить, если окажетесь в стороне от морских путей. Но вблизи Нью-Йорка и мыса Лизард движение столь оживленно, что в непогоду столкновение судов может произойти в любую минуту. Античное Средиземноморье, с его мелкими, едва видимыми на воде суденышками в большей своей части, за исключением традиционных морских дорог, тоже представляло собой пустыню. Наибольшую выгоду из оживленности морских путей извлекали пираты.

Финикийская золотая монета. IV в. до н. э.

Пираты появились на заре мореплавания. Древнегреческий историк Фукидид называет полулегендарного критского царя Миноса (третье тысячелетие до нашей эры) «победителем пиратов» и сообщает, что для борьбы с ними был создан первый военный флот. В 1100 году до нашей эры финикийцы приняли такие же меры для защиты своих судов от одного из племен Малой Азии, единственным занятием которого было пиратство.

Рисунки на древних керамических изделиях позволяют подметить различия между торговыми и боевыми судами. Пузатые грузовые корабли плавали под парусами, в то время как боевые суда были длинными и узкими, имели на корме площадку, нос их заканчивался тараном, а главную движущую силу составляли гребцы. Хотя они имели паруса, в бой суда шли на веслах. Так выглядела галера – судно, царившее в Средиземном море целых три тысячелетия.

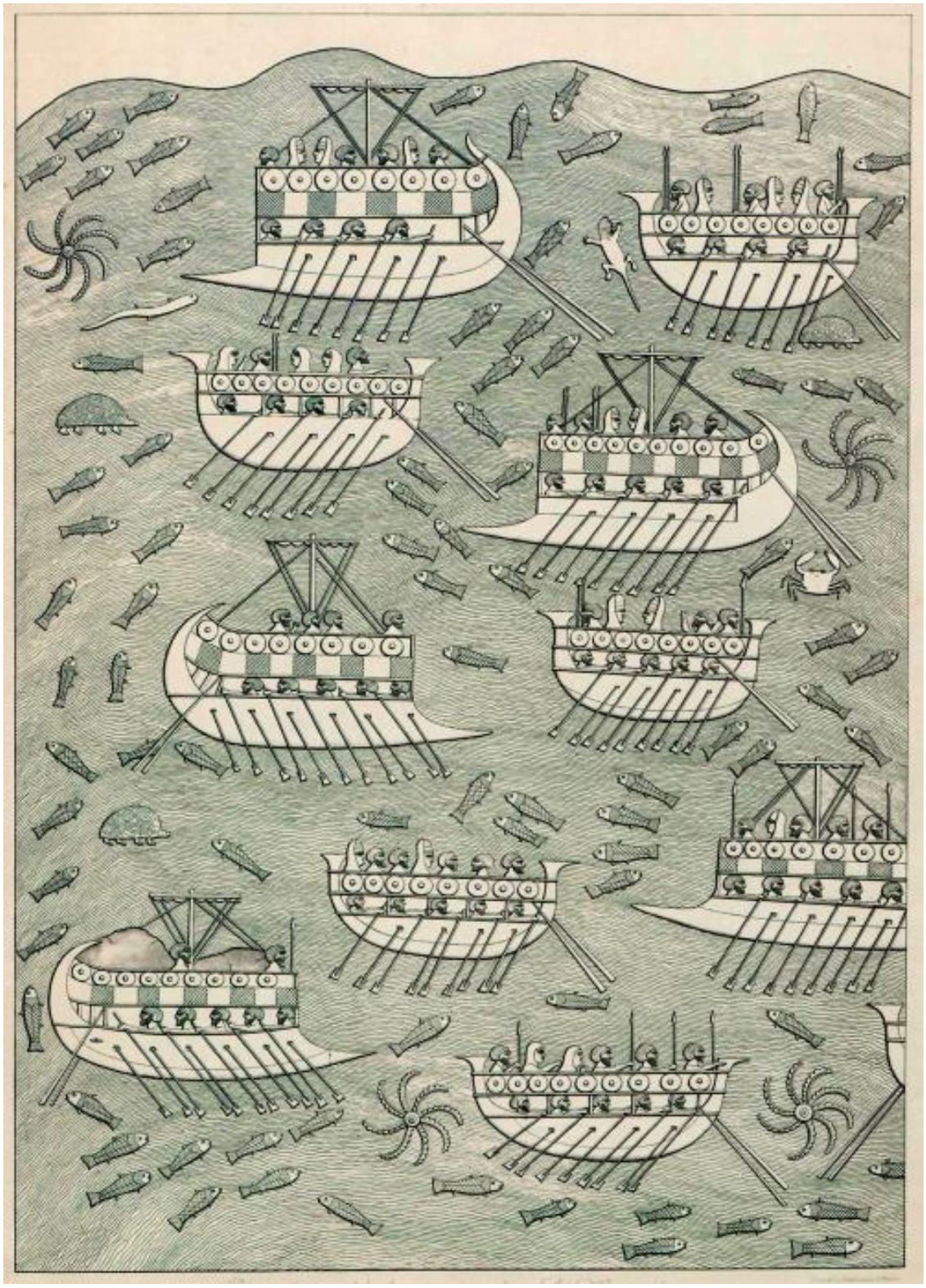
Трудно сказать, кто изобрел галеру. Когда она появилась, критяне и финикийцы давно уже не были единственными мореходами, бороздившими просторы этого моря. Среди искусных моряков есть и те, кого история называет греками, хотя за этим общим именем скрывается смесь многих народов. Отвлечемся на несколько секунд, чтобы познакомиться хотя бы с примерной схемой происхождения греков. Эта схема поверхностна, абстрактна и спорна, поскольку человеческая реальность не укладывается ни в какие рамки. Но она поможет нам разобраться в пестрой античной сутолоке.

Аборигены, жители континента, которых древние называли пеласгами и о которых мы практически ничего не знаем, смешались с пришедшими с севера индоевропейцами – ахейцами, ионийцами, эолийцами; их потомки начали заселять острова. Ко второму тысячелетию до нашей эры самые отважные из завоевателей – ахейцы проникли на Крит. Затем на истори-

ческой арене появились дорийцы, которые смели своих предшественников и заняли господствующее положение.

У нас нет точных цифр. Мы не знаем, какое количество ахейцев, ионийцев, эолийцев и дорийцев прибыло с севера как целыми племенами, так и поодиночке. Талант поэтов – историков античного Средиземноморья, их мифотворческий гений, часто придавал блеск и размах событиям, которые в глазах современных историков выглядят мелкими происшествиями уездного масштаба.

Во время дорийского нашествия часть жителей подчиняется пришельцам и остается жить на привычном месте, но элита и самая активная часть населения покидают родину. Так, на Трою уходит войско под предводительством царя Микен Агамемнона. Мы знаем, что Троя – город в Малой Азии на берегу Геллеспонта (пролив Дарданеллы); город богат, поскольку собирает дань со всех проходящих судов. Царь Трои – Приам.



Военные и торговые корабли финикийцев, изображенные на рельефе из Ниневии. VIII в. до н. э.

Ахейцы Агамемнона приступают к долговременной осаде Трои. Это происходило между 1300 и 1189 годом до нашей эры. А несколько веков спустя (VII век до нашей эры) на площадях греческих городов и селений бродячие певцы собирают себе на пропитание, распевая речитативом историю под названием «Илиада» – эпизод из Троянской войны, сочиненный неким Гомером. О Гомере ничего не известно. Предполагают, что он родился в VIII веке до нашей

эры. Под этим именем могут скрываться несколько авторов, собравших, обработавших и пересказавших воспоминания древних воинов. Вполне вероятно, что имя Ахилл – производное от слова «ахейцы». Возможно, что общеизвестный троянский конь символизирует атаку ахейских колесниц на поле битвы. Но мы не знаем, как долго длилась осада (десять лет, согласно Гомеру) и сколько воинов участвовало в битвах.

Микенская погребальная маска («Маска Агамемнона»). Середина II тыс. до н. э.

Туристам, которые сегодня прилетают на самолете в Измир (Турция), нужно проехать на автобусе всего двадцать километров, чтобы попасть в деревню Фоча, один из курортов Средиземноморья. На месте Фочи в VIII веке до нашей эры стоял город Фокея, основанный ионийцами, бежавшими из-под власти дорийцев. Вокруг Фокеи лежали сухие земли, но сама она располагалась в превосходной естественной бухте, и это благоприятствовало рыболовству и мореходству. И тогда, как и ныне, ветераны походов и воины-инвалиды собирались в порту и грели свои старые косточки на солнце, рассказывая всяческие истории.

«Гонимый ветрами, Колайос прошел Геркулесовы столбы и высадился в Тартессе… именит Тартесс…»

Другими словами, где-то вблизи Гвадалквивира. Капитан Колайос был родом с Самоса, и старики либо лично знали его, либо были о нем наслышаны. Этот моряк привез из путешествия груз, ценность которого увеличивалась с каждым рассказом и вскоре выросла до ска-

зочной величины. Молодые фокейцы слушали – кто пожимая плечами, кто с неподдельным интересом. И вот однажды – примерно в VI веке до нашей эры – молодые мореходы задумали отправиться в плавание на поиски Эльдорадо, где побывал Колайос.

Географические знания той эпохи были весьма путаными. В поисках Геркулесовых столбов молодые фокейцы углубились в Адриатическое море и обогнули Италию, останавливались в устье Тибра, затем на Корсике. Вновь подняв паруса, они добрались до берегов нынешнего Прованса и пристали у лигурийской деревушки. Она лежала на берегу закрытой бухты, оказавшейся еще лучшей природной гаванью, чем Фокея. Местные жители встретили пришельцев радушно. С севера в деревушку привозили олово и другие редкие товары. Лигурийская деревня называлась Массалия. Отказавшись от поисков Эльдорадо Колайоса, фокейцы решили остаться здесь и дали бухте имя на своем родном языке – Лакидон. Сейчас здесь расположен Старый порт Марселя.

В первом томе «Великих тайн океанов», посвященном Атлантике, я поведал историю Пифея, родившегося в 315 году до нашей эры в Массалии. Его предками были фокейцы, а сам он оказался исключительно искусным мореплавателем. До нас не дошло его сочинение «Об океане», где он поведал о своем долгом путешествии, но историки и географы античности оставили достаточно свидетельств, чтобы с приемлемой точностью восстановить его маршрут: нынешние Марсель, Барселона, Кадис, Лисабон, Ла-Корунья, остров Уэссан, мыс Лендс-Энд, остров Уайт и, наконец, Туле, «таинственная Туле», под которой, судя по всему, подразумевалась Исландия. Далее Пифей прошел, по-видимому, вдоль северного побережья Европы до Балтики. А его земляки за это время основали Никайю (Ниццу), Антиполис (Антиб), Агатэ (Агд), а также Росас и Эмпорион (на испанском побережье).

Троянский конь. Рельефное изображение на керамическом сосуде. Греция. Ок. 675–650 до н. э.

Морское путешествие фокейцев от Ионии до Туле поражает куда сильнее, чем распространившаяся одновременно с «Илиадой» «Одиссея» Гомера. В ней повествуется о приключениях Одиссея (Улисса), одного из участников троянской осады, который странствовал долгие годы после окончания войны и наконец счастливо возвратился на свою Итаку (один из ионийских островов). Как и «Илиада», «Одиссея» представляет собой причудливое смешение сказок, легенд и подлинных свидетельств очевидцев.

Лоуренс Аравийский, который перевел «Одиссею» на английский язык, писал, что это «самая древняя приключенческая книга, которую следует прочесть каждому», а также «самый древний европейский психологический роман». И действительно, Одиссей – персонаж удивительно сложный, человечный и трогательный. Он воплощает собой миф (жадный до всего неизвестного человек, игрушка в руках судьбы, с радостью возвращающийся к семейному очагу). А для моряков «Одиссея» представляет особый интерес, потому что в ней в виде легенд и мифических рассказов содержатся сведения, которые ныне излагаются в лоциях.

Но Одиссея нельзя назвать воплощением морских традиций, сравнимых с традициями критян, финикийцев, эгейцев. Он дориец, прямой потомок арийцев, пришедших из степей Азии. То были охотники и скотоводы, и они употребляли в пищу мясо. Море представлялось им неизвестной, опасной и враждебной стихией. Их непосредственные предшественники на греческом (Балканском) полуострове жили в основном за счет моря, а дорийцы долгое время относились к нему с опаской. Современники Гомера промышляли охотой, не считали зазорным возделывать землю, но презирали рыбную ловлю. Взгляните на Одиссея – его упрямый отказ употреблять в пищу дары моря вынуждает путешественников высаживаться на острова, где их поджидают опасные приключения.

Карта путешествия аргонавтов к берегам Колхиды. Из атласа Абрахама Ортелия «Theatrum orbis terrarum» («Зрелище круга земного»). 1598

Изучите гомеровские меню, и вы увидите, что каждое из них состоит только из даров земли. С точки зрения героев, рыба – пища отвратительная, которую можно есть лишь в крайнем случае, когда терпишь кораблекрушение. Со временем этот предрассудок исчезает, и более поздние авторы (Элиан, Немезиан и особенно Оппиан) подробно описывают способы рыбной ловли и потребление рыбы в ту эпоху. Ибо именно тогда закончился долгий период в истории континентальной Греции (с XII по VII век до нашей эры), когда отношение к морю было более чем недоверчивым. В конце концов цивилизация дорийцев ассимилировала культуру покоренных народов. И дорийцы открыли для себя морские пути своих предшественников и продолжили экспансию.

Как критяне и финикийцы, греки имели и торговый, и военный флот. Их торговые корабли известны нам по многочисленным изображениям и остаткам нескольких судов, извлеченным со дна моря. Одно из них было найдено в районе Кирении.

Корабль Одиссея у острова сирен. Деталь росписи керамического сосуда. Греция. III в. до н. э.

В центре событий и на этот раз (1967 год) оказался американский археолог – Майкл Кацев, а первые сведения вновь поступили от ловца губок: «Небольшая кучка амфор на глубине тридцати метров. В миле к северу отсюда».

В Кирению, городок на северном побережье Кипра, Кацев прибыл с группой специалистов. Работа началась с установки металлических колышков вокруг амфор, лежащих на песчаном дне. Таким образом уточнили контуры судна, засыпанного песком. Затем исследователи разбили дно на квадраты с помощью пластмассовых труб и приступили к раскопкам. В их распоряжении имелся десяток отсосов с регулируемой силой всасывания. Один из водолазов разгребал песок руками или ножом и отбрасывал к заборному отверстию отсоса все, что не представляло интереса. Вскоре показался корпус, вернее, его нижняя часть. Вокруг сновали равнодушные к происходящему рыбы.

Было найдено 404 амфоры разного происхождения (судя по различиям в форме сосудов), 29 каменных жерновов и большое количество миндаля. На судне сохранилась также посуда команды – почерневшие тарелки и кружки, четыре деревянные ложки, сосуды и кувшинчики из-под масла. Со дна подняли множество небольших свинцовых грузил.

– Это грузила от сетей, – сделал заключение Кацев. – Экипаж ловил рыбу для еды.

Ни сетей, ни мешков из-под миндаля не сохранилось. Судно имело длину 17–18 метров. Корпус из сосны был обшит свинцовыми листами, которые крепились медными гвоздями. Поднятое судно, а также деревянные части и миндаль (около 10 000 орехов) обработали полиэтиленгликолем. Радиоуглеродный анализ дал возможность уточнить время сооружения судна – между 433 и 345 годом до нашей эры. В душе Майкл Кацев был сыщиком.

– Надо выяснить, почему судно затонуло. На корпусе не видно следов пожара и нападения пиратов. Нет и следов столкновения с подводной скалой. И вообще весь северный берег Кипра безопасен для плавания.

Рыбак из Кирении не согласился с ним:

– Мы совсем не защищены от ветров с Тавра. В конце лета и в начале осени бывают сильные бури. И тонет много рыбацких лодок.

Корабль Диониса. Роспись «чаши из Вульчи». Греция. Ок. 530 до н. э.

Один из археологов обратил внимание на то, что свинцовые кольца, которые в древности использовали в такелаже, были найдены все вместе на корме.

– Парус спустили и уложили на корме. Мачта в гнезде отсутствует. Значит, ее извлекли до кораблекрушения.

Кацев размышлял вслух:

– Мы нашли всего несколько бронзовых монет. А где серебряные и золотые? Странно, ведь капитан судна занимался торговлей и должен был платить команде. Посуду мы нашли, а личные вещи исчезли. Думаю, люди покинули судно во время бури, до того как оно затонуло, и унесли с собой все ценности. Эти люди либо достигли, либо пытались достичь берега.

– Как?

– Вплавь, на обломках рангоута или мачты.

Почему бы и нет? Археологи-детективы в раздумье рассматривали несколько бронзовых монет, найденных на дне. На них различались лица Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета, двух диадохов[4] Александра Великого.

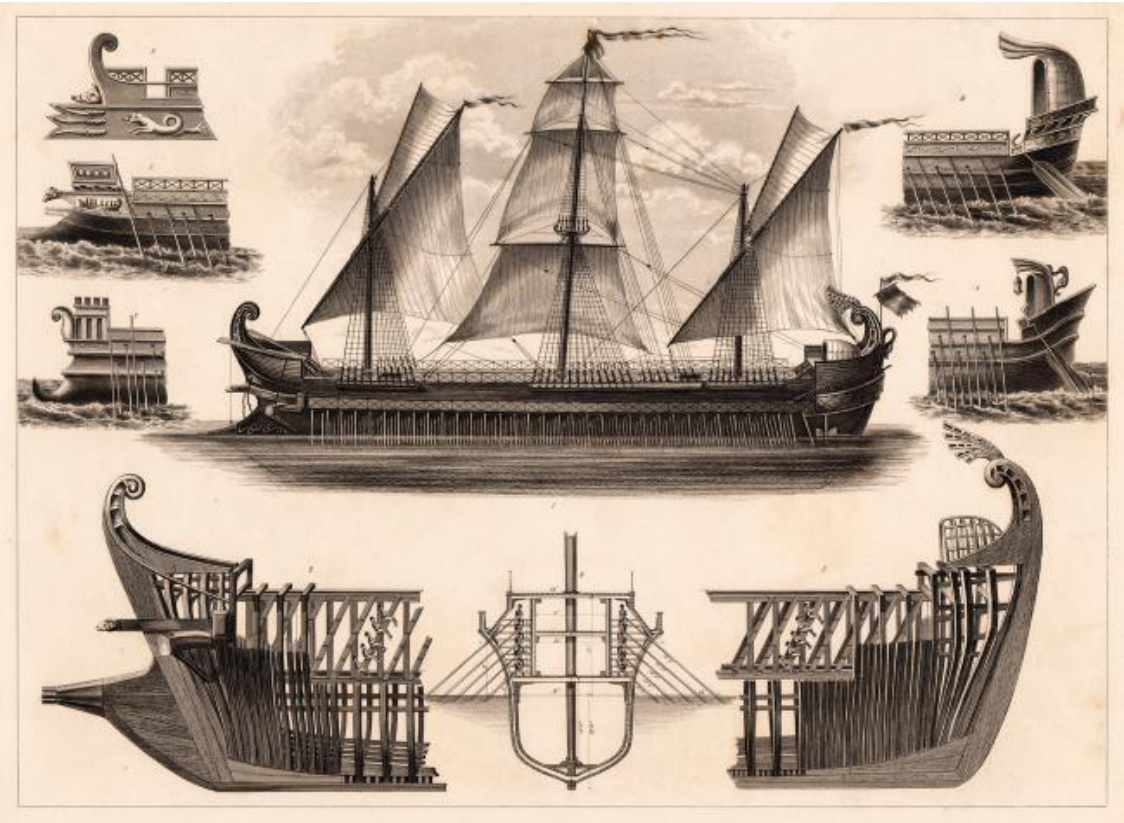
Дно моря не сохранило ни одного греческого военного корабля, но на множестве гончарных изделий уцелели их изображения. Встречаются суда с мачтами и парусами и без них, но на каждом множество весел и таран на носу.

Гребцы на галерах сидели в один или два ряда. К VI веку до нашей эры у греков появились диеры (римляне называли их биремами) – суда с двумя ярусами весел. Чтобы гребцы не мешали друг другу, их рассаживали в шахматном порядке, то есть они сидели не прямо друг над другом. В V–IV веках до нашей эры появились триеры (триремы) – с тремя рядами гребцов по высоте. Их число на одном судне доходило, судя по афинским текстам, до 170 человек. Заметим, что, по некоторым свидетельствам, римляне строили даже квадриремы и квинкиремы, а возможно, и галеры, где рядов гребцов было еще больше.

Хронистам тех времен свойственно некое лирическое безумие в области преувеличений. За один век было написано с полсотни научных трудов, посвященных использованию четырех, пяти, шести и семи рядов гребцов, расположенных один над другим. Но ни один текст не содержит ясных и точных указаний относительно конструкции таких судов. К тому же не существует ни одного античного изображения триремы «во весь рост».

Известно, что первая классическая греческая галера называлась пентеконторой (50 гребцов на одном уровне), но затем всемогущей королевой Эгейского моря стала трирема – 40 метров в длину, 170 гребцов, сидящих в три этажа. Именно такой афинский флот трирем разгромил в конце сентября 480 года до нашей эры персидский флот Ксеркса во время Саламинской битвы.

[4] *Диадохи* (преемники) – полководцы Александра Македонского, боровшиеся после его смерти за верховную власть, что привело к распаду его империи.



Изображение греческой пентеконторы, ее разрез, носовые части греческих и римских галер. Гравюра. XIX в.

Но давайте на миг остановимся. Мы видели, как на Средиземном море на заре человеческой цивилизации появились первые суденышки критян, затем финикийцев. Судов становилось все больше, росли их размеры и водоизмещение, происходили изменения как в торговом, так и в военном флоте. Позже к ним присоединились суда народов, образовавших греческую нацию. Морское дело развивалось с невиданной быстротой. Однако мы вдруг замечаем, что среди них отсутствует флот великой цивилизации, которая изобразила на своих памятниках множество судов. Я говорю о Египте. Куда же исчезли его суда?

«Пусти свои корабли по путям, ведущим туда, где произрастают благоуханные деревья. Кадильницы твоих жрецов пусты. Благовонный дым перестал подниматься к богам вместе с молитвами, и боги отвернутся от тебя. Почему ты не жертвуешь мне тех же благовоний, что и твои предки? Иди в страну, где солнце встает по велению могущественной волшебницы Пунта. Там можно наполнить трюмы судов ароматным деревом и прочими благовониями земли». С такими речами бог Амон обратился однажды к царице Хатшепсут, пришедшей на утреннюю молитву в Карнакский храм. Царица Хатшепсут – вдова и регентша до совершеннолетия пасынка – до самой смерти с твердостью правила страной, неустанно заботясь о процветании Египта и собственной славе. Барельефы и надписи в храме Дейр-эль-Бахри, который она возвела около Фив, отмечают важнейшие даты ее владычества. Экспедиция, снаряженная в страну Пунт по любезной подсказке Амона, изображена с такой торжественностью, что многие историки с восхищением говорят о ней как о величайшем морском путешествии всех времен. Немного хладнокровия, и мы сможем дать его истинную оценку.

Царица Хатшепсут. Ок. 1479–1458 до н. э.

Пунт (Эритрея) расположен на западном берегу Красного моря. Взгляните на карту, и вам станет ясно, что путь туда лежит через пустыню. Именно этим путем и пошли пять тридцативесельных судов царицы Хатшепсут. Они двигались по каналу, который был прорыт в начале второго тысячелетия до нашей эры по приказу фараона Сенусерта I (с 1970 по 1928 год до нашей эры) и начинался там, где ныне стоит Каир. Это водный путь длиной 150 километров, шириной от 25 до 30 метров и глубиной 3–4 метра. Канал подходил к северной оконечности большого Горького озера (ныне часть Суэцкого канала).

Корабли экспедиции, снаряженной Хатшепсут, изображены на барельефах Дейр-эль-Бахри. Они похожи на любые египетские суда, ходившие по Нилу. Специалисты называют их «корзины». Они имели малое водоизмещение и могли ходить по неглубокому каналу. Затем экспедиция двинулась вдоль берега Красного моря, каждую ночь вытаскивая суда на песчаное побережье.

Надписи в храме Дейр-эль-Бахри упоминают о подарках, которые по приказу царского двора экспедиция доставила в столицу Пунта: «Хлеб, медовые лепешки, вино, мясо, сушеные фрукты и прочие яства страны Египет». На барельефах изображены ответные подарки Пунта. Мы видим людей, сгибающихся под тяжестью слоновой кости и мирры, а также тюков, содер-

жимое которых перечислено в комментарии: золотой порошок и зеленое золото, шкуры пантер, коричное дерево, краска для глаз и, конечно, драгоценные благовония. Надписи превозносят выгоды этого обмена. Частью дани были также «люди с детьми», но неизвестно, прибыли ли эти люди по доброй воле.

Голова статуи царицы Хатшепсут. Фрагмент скульптуры из храма в Дейр-эль-Бахри. XV в. до н. э.

О деталях обратного путешествия говорится мало, но известно, что в головной части канала Сенусерта экспедицию поджидали вьючные животные, что наводит на мысль о невозможности прохода тяжело груженных судов по каналу. В надписях Дейр-эль-Бахри подчеркивается то обстоятельство, что египтяне уже давно не посещали Пунт и что до подвига флота Хатшепсут драгоценные товары доставлялись в Египет караванами. Трудно сказать, пользовались ли тогда в действительности каналом Сенусерта, или регентша хотела приписать себе славу первооткрывательницы. Как бы то ни было, стоит привести заключительную часть рассказа.

В Карнаке мореплавателей встретила ликующая толпа. Царица «собственноручно изготовила благоуханную мазь и натерла свое тело привезенными издалека благовониями. И исхо-

дящий от нее запах божьей росы долетел до самого Пунта. Кожа ее словно пропиталась золотом, а лицо ее сравнялось блеском с солнцем и осветило великий зал церемоний, и пало сияние от нее на всю землю». Столь напыщенный стиль призывает нас к весьма осторожной оценке рассказов античных авторов, а также фресок, рисунков и скульптур, изготовленных по приказу свыше. Известно, что египетские фараоны были начисто лишены самокритичности и при необходимости превращали в победы самые тяжкие поражения.

Каботажная экспедиция в Пунт не относится впрямую к Средиземному морю и является единственным документально подтвержденным плаванием египтян по морю, а не по рекам. Разумеется, на египетских росписях и барельефах показаны морские суда, но изображенные здесь мореходы – не египтяне. Так, на фиванском саркофаге, относящемся к XIII династии (примерно 1600 год до нашей эры), изображено несколько морских судов – у них характерная форма и соответствующий такелаж. Судя по одежде и лицам, их разгружают грузчики-египтяне. Но на палубе командуют другие люди, корабль принадлежит им. Нет необходимости долго разглядывать их одежды и лица, чтобы убедиться: на рисунке мы видим финикийцев.

Древнеегипетский торговый корабль. Роспись гробницы Сеннефера в Фивах. XV в. до н. э.

Суда, изображенные на египетской керамике конца четвертого тысячелетия, имеют низкий корпус в виде полумесяца с двумя кабинами – на носу и на корме; несколько весел спереди и два на корме. Рисунки настолько стилизованы, что археологи вначале решили, будто это изгороди или клетки для содержания страусов! На более поздних документах (Древнее

царство, 2780–2280 годы до нашей эры) суда изображены с большей четкостью: видно, что они построены из камыша и папируса. Позже вместо этих материалов стали использовать дерево.

Схематические изображения кораблей на керамических сосудах Египта додинастического периода. IV тыс. до н. э.

Количество рисунков и документов со временем растет. Но они имеют отношение лишь к плаваниям по Нилу. Приводятся многочисленные подробности об экипажах, о рационах и т. п. Помню, что видел в Каирском музее модели нильских судов, найденных в гробнице знатного вельможи Мекетра, погребенного в Фивах в 2000 году до нашей эры. Некоторые из них окрашены в ярко-желтый цвет и превосходно сохранились. На двух имеются паруса. Судя по размерам фигурок людей на палубе, длина судов доходила до 12–15 метров. В эскорте были более мелкие суда, в частности плавучие кухни, груженные амфорами и мясными тушами. За четыре тысячи лет эти несравненные игрушки, сопровождавшие покойного в плавании по загробной реке, нисколько не утратили своей свежести.

Легко понять, почему древние египтяне не питали особой любви к морю. Нил давал им все, в том числе и рыбу, которую они предпочитали морской. А если люди не занимаются морской рыбной ловлей, у них нет и стремления покорять морскую стихию. Перестав применять для строительства судов папирус, египтяне не смогли добыть взамен достаточно дерева, и финикийцы тут же поспешили предложить им свои услуги – суда с экипажами для морских перевозок. В дельте Нила финикийцы устроили склады, а затем построили порты.

Я, конечно, знаю о современном морском подвиге, ставившем целью доказать, что египтяне могли быть мореплавателями. Речь идет о переходе Атлантики на «Ра», папирусном судне, построенном Туром Хейердалом.

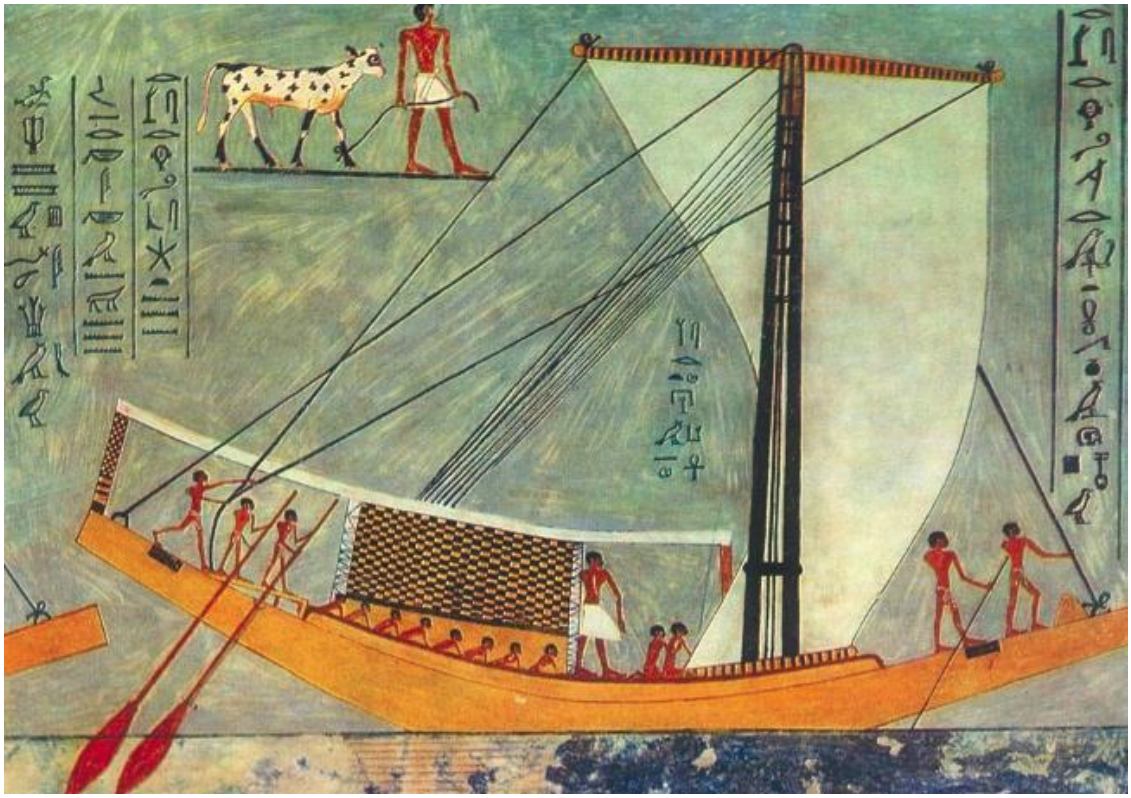
В свое время Хейердал посетил египетские гробницы Древнего царства, и его поразило сходство изображений папирусных судов с судами инков той же эпохи.

– Я тут же подумал о связях между двумя цивилизациями. Папирусные суда египтян плавали не только по Нилу. Они выходили в открытое море и пересекли Атлантику. Мне хотелось доказать это.

В 1968 году Хейердал, преодолев множество трудностей, построил в Египте папирусное судно длиной 15 метров и шириной 5 метров, взяв за основу египетские рисунки. В честь бога солнца судно нарекли «Ра». Из Египта судно доставили сначала в Танжер, затем в Сафи, а оттуда 25 мая 1968 года «Ра» ушел в плавание. Двигаясь на запад со средней скоростью 2,5 узла, он прошел по Атлантике 5000 километров, но затем экипажу (семь человек) пришлось покинуть сильно поврежденное бурями судно. Несколько месяцев спустя Тур Хейердал, учтя предыдущий опыт, пустился в путь на новом судне «Ра II», которое отличалось от своего предшественника некоторыми деталями. Новое судно выдержало все испытания и прибыло в Бриджтаун, столицу Барбадосских островов, преодолев за 57 дней 3270 миль (более 6100 километров).

Модель корабля из гробницы Мекетра в Фивах. Ок. 1981–1975 до н. э.

Сомнений нет – выдающийся морской подвиг. И все-таки вряд ли он может служить серьезным доказательством того, что на заре своей цивилизации египтяне были мореплавателями и плавали по Средиземному морю, а может быть, и дальше. Прежде всего потому, что писцы, художники и скульпторы Древнего Египта, всегда склонные (или обязанные) превозносить успехи и победы своих соотечественников, не оставили ни одного свидетельства о папирусном судне, которое плавало бы не по Нилу, а в других водах. С другой стороны, разве могла бы нация, породившая великих мореходов (шутка ли, пересечь Атлантику!), совершенно отказаться от морских путешествий? Скорее всего, египтяне не были истинными моряками – и не стали ими, потому что нашли превосходных наемников. Но нас еще ждет знакомство с честолюбивой и одаренной египетской царицей Клеопатрой, которая мечтала о военном флоте и создала его с помощью известного римлянина. Однако и в ее флоте египтян было очень мало.



Корабль египтян. Роспись гробницы в Гизе. XXV в. до н. э.

В Римском государстве полтора миллиона обитателей. Морская гавань Остия выходит на широкую площадь, по другую сторону которой стоит длинное здание, где размещаются купцы и портовые ремесленники: конопатчики и канатчики, торговцы деревом и зерном, скорняки, судовладельцы, чьи корабли совершают постоянные рейсы между Остией и заморскими странами. Здесь можно встретить и египетских арматоров из Александрии, и галлов из Нарбонны и Арля, и сардов из Кальяри (Сардиния), и африканцев из Бизерты, Карфагена и будущих Сиди-Дауда и Сиди-Рекме – представлено все Средиземноморье, весь известный тогда мир, люди всех оттенков кожи, от белого до темно-коричневого. Они с утра до вечера толкутся в своих комнатушках, стучат костяшками счетов, пишут, беседуют, отдают приказы. А сколько среди них римлян? Не скажешь – всего один, но римлян мало.

К причалам трех римских портов – Остии, Порта, Эмпория – пристают суда с винами, фруктами и овощами из Италии, с винами из Греции, с зерном из Африки и Египта, с испанским маслом, с шерстью, деревом и мясом из Галлии, с далматским и дакским золотом, с мавританской слоновой костью, с греческим и нумидийским мрамором, с арабским порфиром, с балтийским янтарем, с финикийским и сирийским стеклом и с драгоценными товарами из Азии – шелком, самоцветами, пряностями.

Среди грузов почетное место занимает рыба. Пристрастие древних римлян к рыбе превратилось в своего рода манию, не имеющую себе равных в истории. Богачи и граждане среднего достатка знают почти все виды съедобных рыб. Самые богатые предпочитают мурену, барабульку, губана. Поскольку рыбаки ловили рыбу только вблизи берега, прибрежным водам начинает грозить опустошение. Но предприимчивые римляне находят выход из положения. Они принимаются за строительство рыбных бассейнов, количество и размеры которых остаются непревзойденными до сегодняшнего дня. Одни садки расположены на берегу моря в естественных бухточках, перекрытых плотиной, другие строят специально, украшая их мозаикой;

их глубина достигает двух-трех метров, в них проточная вода, а дно соответствует виду рыбы, для которой бассейн предназначен: ил, песок, камни, водоросли.

Строительство папирусной лодки «Ра» у подножия пирамид. 1969 Photo by Bettmann/ Getty Images

Рыб кормят хлебом, инжиром, сыром и отходами от обработки рыб. Не верьте, если прочтете где-нибудь, будто мурен подкармливали человеческим мясом. Любой римлянин знал, что случилось с Азинием Поллионом, который однажды давал обед в честь императора Августа. Хозяин приказал бросить в бассейн с муренами неловкого раба, разбившего кубок. Август разгневался. Рабу дали свободу, а виллу Поллиона по распоряжению императора сровняли с землей, и до сих пор римляне показывают иностранным туристам место, где стояла злосчастная вилла.

Знаменитый гурман Лукулл, победитель Митридата (132–62 годы до нашей эры), царя Понтийского царства, велел пробить туннель для подачи свежей морской воды в свои садки неподалеку от Неаполя. Рыбу, которую содержали в общественных и частных бассейнах, либо разводили (доставляя мальков или оплодотворенную икру с итальянского побережья), либо привозили в живом виде издалека, из разных уголков Средиземноморья, в специальных деревянных судах-цистернах со свинцовой обшивкой. Из Галлии рыбу и устриц везли сухопутным путем в повозках с резервуарами, наполненными морской водой. На шестом ярусе монументального здания Центрального рынка Рима были оборудованы громадные садки, часть которых соединялась трубами с акведуками, доставлявшими пресную воду в город. Другие садки наполнялись морской водой, специально привезенной из Остии. Даже сегодня ни в Париже, ни в Риме, ни в Нью-Йорке вы не увидите таких огромных бассейнов с живой рыбой.

Подобная морская деятельность и «рыбная мания» особенно поражают, если добраться до их истоков. Забудем о легендах: о Реме и Ромуле[5], о сабинянках[6], о братьях Горациях и

[5] *Рем* и *Ромул* – легендарные основатели Рима, вскормленные, по преданию, волчицей.

[6] По приказу Ромула во время одного праздника были похищены дочери гостей из племени сабинян. Началась война, но

Куриациях[7] – все эти мифы имеют общее индоевропейское происхождение. Уроженцы Лациума[8] всегда были пастухами и жили в деревнях. Одна из деревушек называлась Рим. Латиняне возделывали землю и добывали один из наиболее доступных для крестьян даров моря – соль. Земли по обоим берегам Тибра давали хорошие урожаи, и местные жители продавали продукты своего труда крестьянам, живущим в центральных областях, которым не хватало кормов для скота. Деревушка стала постепенно расти.

сабинянки, успевшие полюбить своих мужей, помешали кровопролитию и примирили враждующих.

[7] *Горации* – три легендарных юноши-близнеца из древнеримского патрицианского рода, победившие во время войны Рима с Альба-Лонгой трех юношей-близнецов *Куриациев* из Альба-Лонги (VII в. до н. э.).

[8] *Лациум*, Лаций (ныне Лацио) – область в Центральной Италии, в бассейне р. Тибр; место возникновения Рима.

Римские мозаики с изображением морских обитателей. Помпеи. I в. до н. э.

В III веке до нашей эры власть римлян распространилась уже на весь полуостров, кроме долины реки По, которая находилась в руках галлов, и Генуэзской бухты, принадлежавшей лигурийцам. Но государство по-прежнему остается сельскохозяйственным. Властители Рима – крупные землевладельцы, и уклад жизни остальных граждан Римского государства, в том числе и горожан, преимущественно сельский.

Но вскоре наступает перелом. Начиная с 264 года до нашей эры потомки латинян-крестьян колонизируют Сицилию и вступают в борьбу с могущественным Карфагеном. Так начались и продолжались более века Пунические войны[9]. Может быть, римляне превратились в моряков, чтобы воевать на море? Нет. Они искали и находили наемников, которые на протяжении всей истории Рима занимались снаряжением их флота.

«Римляне никогда не были морской нацией, – писал Ла Варанд. – Но Рим наделил флот теми качествами, которые привели его к успеху на суше, – методичностью и упорством. Риму флот требовался для проведения захватнической и колониальной политики, и он добился, когда понадобилось, такого же превосходства на море, как и на суше». Разгромив Карфаген,

[9] Войны между Римом и Карфагеном за господство в Средиземноморье (1-я Пуническая война – 264–241 гг. до н. э.; 2-я – 218–201 гг. до н. э.; 3-я – 149–146 гг. до н. э.). Завершились победой Рима.

Рим оказался единственным властителем на море и стал управлять Средиземноморьем от западных до восточных его пределов. Это продолжалось до тех пор, пока четыре столетия спустя империя не распалась вначале на две, а потом на четыре части. Грандиозный исторический парадокс: выражение «mare nostrum» (наше море) принадлежит нации, не имеющей ни собственных морских традиций, ни моряков: команды судов вербовались из иноземцев.

Греки, галлы, иберийцы, нумидийцы, мальтийцы и другие нанимались в римский флот на двадцать – двадцать пять лет. Они шли туда с охотой, поскольку им хорошо платили, а по завершении службы давали римское гражданство со всеми вытекающими из него привилегиями.

Габриэль Жак де Сент-Обен. Победа римского флота над флотом Карфагена в битве у мыса Экномус. Акварель. Ок. 1763

Римский военный флот, созданный для борьбы с Карфагеном (264 год до нашей эры), просуществовал недолго. Кроме Пунических войн, он участвовал лишь в битве у мыса Акций, когда флот Октавиана дал бой флоту Антония и Клеопатры (мы еще расскажем об этом сражении). Основным назначением военного флота была борьба с пиратами.

Слово «пират» (по-латыни pirata) происходит, в свою очередь, от греческого peirates, с корнем peiran («пробовать, испытывать»). Смысл этого слова, таким образом, «пытать счастья на море». Этимология слова свидетельствует, насколько зыбкой была с самого начала граница между профессиями мореплавателя и пирата. Пираты – любители и профессионалы – подстерегают свою жертву у морских путей. Если желанная добыча не кажется слишком сильной, ее берут на абордаж средь бела дня. Но коли судно имеет многочисленный экипаж и паче чаяния вооружено, его выслеживают и ждут темноты, чтобы захватить врасплох на ночной стоянке. Пиратство в известной мере способствовало прогрессу судостроительства, поскольку пиратам нужны были самые быстроходные суда. Они нападали также на прибрежные города и селения, став некоторым образом родоначальниками морских десантов.

Как я уже говорил, первые успехи в подавлении пиратства принадлежат полулегендарному царю Крита Миносу, который для борьбы с пиратами основал (а в сущности, изобрел: ранее даже не существовало такого понятия) национальный военный флот. Благодаря Миносу и некоторым его предшественникам средиземноморская торговля некоторое время стала отно-

сительно безопасным занятием. Когда держава Миноса погибла под натиском ахейцев, море снова превратилось в место кровавых схваток и самых невероятных происшествий.

В VI веке до нашей эры самый предприимчивый пират Эгейского моря – Поликрат владеет более чем сотней больших и малых судов. Он организует первый в истории морской рэкет: греки и финикийцы должны платить ему дань, чтобы обезопасить свои суда и грузы от нападения и грабежа, а моряков спасти от смерти, которая угрожает им при малейшем сопротивлении. Доход от пиратского предприятия столь велик, что Поликрат строит на острове Самос дворец, одно из чудес света той эпохи. Для его украшения и установки статуй и памятников в городе тиран-пират поступает так же, как намного позже будут поступать папы, короли и князья Ренессанса: он приглашает из разных стран самых известных художников, ученых и осыпает их золотом. Если нужно, он похищает их.

«Хочу, чтобы меня лечил лучший врач – Демокед».

Один из капитанов-пиратов похищает Демокеда из Афин, привозит его на Самос, где врач живет в роскоши, буквально купаясь в золоте. Знаменитый лидийский поэт Анакреон сам является ко двору (иного слова и не подберешь) Поликрата.

Но всему приходит конец. В 515 году до нашей эры морская мощь Поликрата слабеет, и персидский флот подходит к берегам Самоса. Тиран-пират яростно сопротивляется, но попадает в ловушку врага. Наместник Кира в Лидии предлагает Поликрату пакт о ненападении. Привыкший к своей роскошной жизни сатрапа, Поликрат, желая сохранить себе рэкет, соглашается приехать на континент для подписания договора. Он схвачен и распят на кресте.

Но пиратская деятельность в Средиземноморье не угасает со смертью Поликрата.

Примерно четыре века спустя, в 78 году до нашей эры, из Афин в направлении Родоса отплыло грузовое судно с пассажирами. Оно проходило мимо островка Фармакуза, неподалеку от нынешнего побережья Турции. Ветер ослабел, паруса безжизненно повисли, единственным звуком на судне был скрип четырех тяжелых весел в уключинах. Вдруг рулевой (он орудовал двумя рулевыми веслами, укрепленными на корме по каждому борту) позвал капитана и указал

на темное, быстро растущее пятно слева по борту. Капитан с минуту вглядывался в даль и, пожав плечами, сказал: «Там два судна». И действительно, вскоре пятно раздвоилось.

Ветер окончательно стих. Пиратские суденышки росли на глазах. Они шли на веслах, без мачт и парусов, но пассажирам казалось, что они буквально летят по воде. На каждом судне ритмично взлетало и опускалось по десять пар весел.

Капитан отдал негромкий приказ. Паруса спустили, а весла уложили на борту. Бегство представлялось бессмысленным. Вскоре дюжина загорелых пиратов с кривыми кинжалами за поясом уже расхаживала по палубе захваченного судна. Каждый пассажир молча протягивал сумму, которую пираты показывали на пальцах. Главаря пиратов сопровождал капитан судна, выполнявший по необходимости функцию переводчика. Можно было подумать, что производится сбор таможенной пошлины, а капитан получает комиссионные. Но он знал, что сопротивление равносильно смерти, и хотел, чтобы дело закончилось мирно.

На корме – лучшее место на судне – сидел молодой холеный пассажир в слишком элегантном для морского путешествия одеянии. Он читал и нарочито, даже как-то презрительно, не обращал внимания на происходящее. Вокруг него толпились почтительные слуги. Подойдя к поглощенному чтением пассажиру, главарь пиратов прокричал хриплым голосом несколько слов. Молодой человек даже не поднял головы. Пираты потянулись за кинжалами, но один из слуг обратился к капитану:

– Имя моего хозяина Гай Юлий Цезарь. Я его врач.

Капитан перевел, и лицо главаря пиратов немного изменилось. Имя Цезаря было ему неизвестно, но то почтение, с которым его произнесли, наводило на мысль о больших деньгах.

– Я хочу назначить за него и его слуг приличную цену, – сказал он капитану. – Сколько они стоят?

Капитан пожал плечами. Любое сотрудничество имеет свои границы.

Пират повернулся к своим людям:

– Сколько?

– Не меньше десяти талантов, – сказал один из них.

– Нет, – возразил главарь. – Этот тип презирает нас. Тем хуже для него. Двадцать талантов.

Капитан перевел. Тогда молодой человек соизволил прервать чтение:

– Скажите этому человеку, что он не знает своего ремесла. Я стою не менее пятидесяти талантов.

Не станем терять время на выяснение соотношения означенной суммы с современным денежным курсом, поскольку мы даже не знаем, шла ли речь о серебряных талантах или о талантах золотых. Как бы то ни было, выкуп огромный, и тщеславный Цезарь сам назначил его. Главарь пиратов долго комедию не ломал:

– По рукам. Деньги на борту? Нет? Тогда сюда.

Цезарь с прислугой перешел на борт одного из суденышек, и его доставили на берег. Ему пришлось провести в грязной пиратской деревушке тридцать восемь дней, пока два доверенных лица собирали выкуп, что, как известно, требует времени. Говорят, Цезарь сочинял поэмы и занимался физическими упражнениями, мерился силами с пиратами в беге и бросании камней. Он повторял им, что вернется и покарает их, распяв на кресте, но его слова вызывали у пиратов приступы хохота. Угрозы не мешали делам, и все произошло по правилам. Узнав, что выкуп находится у некоего милетского адвоката, который готов передать его пиратам, они переправили Цезаря с его слугами по указанному адресу и получили деньги.

Но столь мощное государство, как гордый Рим, не могло терпеть почти узаконенного пиратства. В 67 году до нашей эры сенат назначил Помпея временным диктатором и поручил ему покончить с пиратством. В свои тридцать девять лет сей потомок новоиспеченной аристо-

кратической семьи уже прославился как полководец, был наместником в Испании и приобрел широкую известность, подавив последние остатки армии восставших рабов Спартака.

Мозаика с изображением римской триремы. II в. до н. э.

Его морская экспедиция может служить образцом военной операции. Он получил в свое распоряжение 15 000 войска и 500 судов (реквизированных во всех римских и иностранных портах). Помпей разделил все Средиземноморье на тринадцать секторов (по-видимому, у римлян имелись более точные карты, чем обычно воспроизводимые карты той эпохи), поручил каждому из своих военачальников очистку одного сектора, а сам возглавил экспедицию на Родос. Он находился в самой гуще событий, там, где происходили основные сражения. Результат этой стратегической операции весьма внушителен: за три месяца захвачено 400 и уничтожено 1300 судов, более 10 000 пиратов погибло, 20 000 попали в плен; сотни пиратских деревень-убежищ римляне сожгли и сровняли с землей. Пиратам, которые сдавались без боя, разрешалось поступать на службу в римский флот или к его союзникам. Остальных приговорили к смерти.

Суда, участвовавшие в этой кампании, были взяты из разных мест и немного различались по форме, но все имели характерные черты галеры: удлиненная форма, таран, вспомогательные паруса, многочисленные гребцы на двух или нескольких уровнях. В основном по заказу Рима строились триремы – усиленный и утяжеленный вариант греческой триеры.

На многих репродукциях видно, что палуба триремы оборудована абордажным мостиком, чисто римским изобретением. Его опускали на палубу вражеского судна, и пехота – тогдашние «морские пехотинцы» – устремлялась на приступ. Перед мачтой триремы располагалась башня, с которой атакующие бросали тяжелые камни и лили горячую смолу. Римляне использовали также либурны с одним рядом гребцов и биремы с двумя рядами. Пока еще со дна моря не подняли ни одного боевого римского судна. Не сохранилось даже обломков. Но две галеры, поднятые со дна озера, приобрели широкую известность.

Летом 1928 года в окрестности озера Неми, «жемчужины Альбанских гор» (Италия), царило необычайное оживление. Сюда стянули множество тракторов и грузовиков, доставили насосы и громадные трубы, разбили лагерь для сотен рабочих. Силы порядка отгоняли любопытных, желавших узнать подробности предстоящей операции. Итальянское правительство решило поднять со дна озера остатки двух громадных «галер Калигулы», покоившихся там уже более двадцати веков. О них было известно из устных рассказов. Чтобы добраться до галер, нужно было осушить часть озера. Работу возглавили инженеры и археологи разных национальностей. Работы продолжались с конца 1927 по 1931 год.

Римская бирема. Рисунок из книги Рафаэля Монлеона «Иллюстрированная история судоходства и судостроения». 1870-е

По мере того как насосы откачивали воду, из нее появлялись как бы два громадных призрака. Наконец из прошлого явились два корпуса. Одна галера имела в длину 71 метр 30 сантиметров и в ширину 18 метров, другое судно было чуть поменьше. Глазам исследователей предстали два самых крупных судна античности. Ныряльщики сообщили первые детали:

– Большое судно похоже на военный корабль. На бортах видны уключины для весел. Тридцать два гребца по каждому борту на одном уровне. Два боковых рулевых весла.

– На втором судне – четыре руля, два спереди и два сзади. Палуба была, по-видимому, сплошной из конца в конец, как на авианосце. Гребцов на нем, скорее всего, не использовали, поскольку не видно никаких уключин.

Триремы. Рисунок из книги Рафаэля Монлеона «Иллюстрированная история судоходства и судостроения». 1870-е

Изнутри оба корпуса были обшиты тонкими листами свинца. Надстройки не сохранились либо не существовали совсем. Галеры очистили от грязи, и тогда стали видны признаки утонченной отделки: верхняя часть рулей имела резные украшения, повсюду виднелись остатки мраморных и мозаичных полов. Монеты, найденные в трюмах, позволили установить, что поднятые суда плавали в период между началом царствования Калигулы (37 год до нашей эры) и восшествием на престол Траяна (98 год нашей эры). У археологов сразу возникло множество вопросов.

– Суда не могут быть боевыми, поскольку на озере длиной два километра сражаться не с кем. Какова роль этих галер?

– Быть может, галера побольше буксировала другую, без гребцов, но зачем? Или Калигула устраивал на ней водные празднества? А может, там происходили оргии?

– Галеры украшены изображениями голов волков, львов, леопардов. Может быть, суда имеют отношение к знаменитому храму Дианы, стоявшему на берегу озера? В древности озеро называли зеркалом Дианы. Возможно, на борту этих галер воздавали почести богине?

– И еще. Украшения в очень хорошей сохранности, а общий вид судов свидетельствует о том, что они затонули, будучи в превосходном состоянии, и уход за ними был отличный. Почему? Несчастный случай или преднамеренное затопление?

Более всего смущает тот факт, что ни в одном древнем тексте об этих великолепных, в своем роде исключительных галерах не упоминается. Ничего не говорит о них и Светоний.

Для сохранения величественных судов построили музей, в нем побывали сотни тысяч посетителей. Потом началась Вторая мировая война. В мае 1944 года авиация союзников бомбила район Неми, находившийся в руках немцев. Около музея размещалась зенитная батарея ПВО. В ночь с 31 мая на 1 июня здание было разрушено, и во время пожара обе галеры почти полностью сгорели.

Один из лучших знатоков античных судов – Жан Мейра, служивший во флоте во время Второй мировой войны, слышал из уст Гвидо Учелли, итальянского историка и эрудита, другое объяснение случившемуся:

– В мае тысяча девятьсот сорок четвертого года в окрестностях Рима царил хаос и во всем ощущался недостаток. Люди были вынуждены красть и торговать на черном рынке, чтобы выжить. Бóльшую часть свинцовой обшивки с галер Калигулы сняли, а затем воры подожгли их. Классический прием сокрытия преступления.

В Неми был построен новый корабельный музей. В нем экспонируются репродукции галер Калигулы и кое-какие остатки от двух «призраков» озера Неми. И их происхождение, и их исчезновение окутано тайной…

В 1910 году два джентльмена из совета Лондонского графства наблюдали за работами по строительству Каунти-холла на южном берегу Темзы, около Вестминстерского моста. Уже был вырыт котлован под фундамент глубиной 6 метров. Вдруг один из наблюдавших заметил, что по дну котлована тянется какая-то «темная изогнутая линия». Это оказались остатки небольшого торгового судна длиной 25 и шириной 5–6 метров. Его происхождение стало понятно после того, как внутри корпуса были обнаружены римские монеты, а также обломки гончарных изделий и куски римских кожаных сандалий.

Остов корабля Калигулы, найденный в озере Неми. 1930

Колониальные завоевания приучили жителей Рима – исключая, разумеется, бедняков и рабов – к роскоши. Об этом свидетельствуют памятники, богатые жилища, одежды и драгоценности, изысканная кухня и «рыбная мания». Отсюда и широкая морская деятельность, и оживление в римских портах, о чем я уже упоминал. Я говорил, что как в торговом, так и в военном флоте римлян служило 80–90 процентов иноземцев, которые к тому же строили и бóльшую часть судов. К таким судам принадлежало и римское судно, найденное на берегу Темзы. Исследования показали, что дерево, из которого его построили, происходило из Южной Галлии.

Были найдены остатки и других римских судов, затонувших в Средиземном море: вблизи острова Китира (Греция), у порта Махдия (Тунис), возле острова Спарджи (Сардиния), близ

Альбенги (Италия), у южного побережья Франции – у острова Леван, у мыса Драмон… Познакомиться с обликом такого судна можно по множеству изображений и описаний. Широкий округлый корпус, с высокими бортами, прочность и хорошая маневренность; мачта, несущая прямоугольный или трапециевидный парус, над которым иногда ставили парус поменьше, нечто вроде марселя. Из-за своей корзинообразной формы судно получило название корбита (корзина), откуда, в свою очередь, произошло слово «корвет». Многие суда были куда крупнее тех, что были найдены в Лондоне или на Средиземном море. Известны размеры торгового судна, обслуживающего линию Египта (перевозка зерна, государственная монополия): 55 метров в длину, 19,5 метра в ширину, глубина трюма – 13 метров.

Бенито Муссолини в музее кораблей в Неми. 1930

…В один прекрасный осенний день 60 года нашей эры подобная корбита отплыла из Кесарии (в честь Цезаря назвали несколько городов) на палестинском побережье. На ней в Рим отправили под конвоем пятьдесят преступников. Охраной командовал центурион. У корбиты не было палубы, и преступники сидели по всему судну, от носа до кормы, мешая работе команды. Их бранили и били и моряки, и солдаты. У некоторых из преступников были связаны руки – их проступок носил более серьезный характер. Все они были римлянами по рождению и жили в колониях и протекторатах, за исключением одного еврея родом из Тарса (ныне Тарсус в Турции), семья которого получила римское гражданство. И в этом качестве он потребовал суда кесаря, то есть решил предстать перед римскими судьями. Это было его право.

Бронзовая голова Медузы – декоративный элемент корабля Калигулы. I в.

Корбита направлялась вдоль берега на север. У нее была единственная мачта с трапециевидным парусом, который держался на шпринтове (изогнутой рее). Арестанты знали, что они зайдут в Миру, где предстоит пересадка на более крупное судно. Мира расположена в 600 километрах к северу от палестинской Кесарии (Цезарии), на побережье (ныне турецком), недалеко от мыса Гелидония (именно там было найдено впоследствии судно бродячего кузнеца, затонувшее за 2000 лет до нашей эры). Пузатая груженая корбита двигалась медленно – 4,5 узла, а ночью становилась на стоянку. Греческий кормчий знал все порты, где можно было пристать, хотя иногда приходилось останавливаться просто у песчаного берега. А утром арестованные, впрягшись в веревки, стаскивали судно на глубокую воду, и римские солдаты следили, чтобы никто не ленился. Отдых на голой земле в те времена никого не страшил. Арестанты усаживались перед сном в кружок, чтобы послушать еврея из Тарса, прекрасного рассказчика и многоопытного путешественника, который всегда находил внимательных слушателей. Не раз возвращался он к истории некоего галилеянина, проповедовавшего новую религию и распятого римлянами на кресте по доносу своих соотечественников. Он был не только пророком, утверждал еврей из Тарса, он приходился сыном Богу, и его учение должно завоевать всю землю. Горячая убежденность рассказчика держала слушателей в постоянном напряжении.

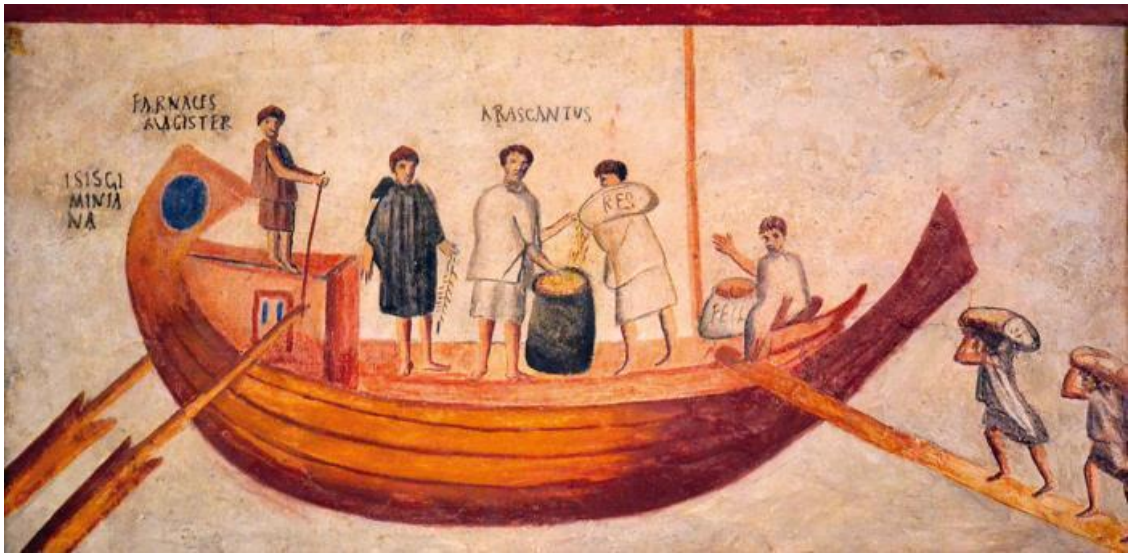
По сравнению с корбитой судно, ожидавшее в Мире, выглядело настоящей громадиной. Это было понто длиной более 60 метров. Таких кораблей было много, и они были окрашены в разные цвета – зеленый, желтый, фиолетовый и пурпурный. Каждый арматор пользовался своим цветом. Понто, на которое пересадили арестованных, имело две мачты, удерживаемые растяжками, и довольно современный такелаж с фалами, топенантами и брасами для управле-

ния парусами. Белые паруса по краям обшивались тюленьей кожей. Эта кожа, а также шкура гиены, как верили тогда, предохраняла от молний.

Корабль Калигулы. Гравюра. XVIII в.

Судно готовилось к отплытию с 274 людьми на борту, считая и арестованных из Кесарии. Места тут было чуть больше, чем на корбите. Каждому полагалось пространство 1,5 на 0,5 метра. Этого едва хватало, чтобы устроиться для сна. Капитан жил на корме в каютке из плетеной лозы. Каждый брал с собой запас пищи; вода, хранившаяся в амфорах, выдавалась во время плавания. Те, кто хотел умыться или постирать одежду, могли черпать морскую воду в неограниченном количестве.

Кроме пассажиров, на судно, по-видимому, погрузили довольно ценные товары, поскольку в последний момент арматор решил сам сопровождать его. На клотике укрепили флаг (подвешенный вроде хоругви) и подняли паруса.



Погрузка зерна на римский торговый корабль. Изображение на фреске из Туниса. III в.

О первой части путешествия почти нечего сказать. Понто, как и корбита, шло вдоль побережья Малой Азии, но без ночных стоянок. Ночью зажигали фонари. Многие пассажиры не спали, ибо страдали морской болезнью или боялись темноты в море. Они всматривались в ночь, но видели лишь белые барашки на темных волнах.

Через несколько дней понто добралось до Крита – не столько по воле греческого кормчего, сколько по воле ветров. Но кормчий все же привел судно в порт на южном побережье, быть может в Маталу в заливе Месара. Пассажиры сошли на берег, чтобы передохнуть, умыться, подкрепиться и запастись провиантом. Прошло два дня. По синему морю по-прежнему неслись пенистые волны, и никому не хотелось снова пускаться в плавание. Спросили мнение еврея из Тарса. К его словам прислушивались, хотя он и находился среди преступников.

– Наступил октябрь. Думаю, надо зимовать здесь. Море будет неспокойным до самой весны.

С его мнением следовало согласиться, поскольку он явно не был трусом. Пассажиры попросили его побеседовать с капитаном.

– Перезимовать можно, – ответил моряк, – но арматор против. Идите к нему.

Арматор решительно заявил:

– Нет. Часть груза испортится, и я слишком много потеряю. Отплываем.

Я не могу ручаться за точность слов, но смысл их был именно таков. И судно вышло в море, воспользовавшись затишьем. Но затишье продолжалось недолго. Началась буря. И не стихала целых две недели – редкое явление в Средиземном море.

Филипп Якоб Лютербург. Кораблекрушение у скалистого берега. 1760-е

Понто было судном крепким, толщина его бортов, усиленных ширстреком, доходила до восьми сантиметров, все щели корпуса были тщательно законопачены. Начало настоящей бури всегда пугает пассажиров, впервые столкнувшихся с разгневанной стихией. Им кажется, что первая же волна поглотит судно, но оно, будучи превосходным поплавком, опускается и поднимается, избегая мощных ударов волн. В самом начале шторма паруса взяли на гитовы или убрали их, оставив для управления лишь парус на сильно наклоненной передней мачте.

Понто держалось бы на воде лучше, будь оно менее нагружено. Судно черпало воду. Экипаж и арестанты выстроились цепью, чтобы с помощью деревянных ведер и прочих сосудов вычерпывать воду из трюма. Ночью кормчий старался ставить судно по волне с помощью двух широких боковых рулей, а остальные сидели, вцепившись в малейшие выступы, и молились своему или своим богам. А утром снова принимались вычерпывать воду.

Адам Эльсхаймер. Апостол Павел и его спутники на острове Мелит (Мальта) после кораблекрушения. Ок. 1600

Часть груза испортилась от морской воды, и арматор велел выкинуть в море потерявшие ценность товары. Затем пришлось спилить и выбросить бóльшую часть такелажа.

На палубе корабля, больше походившего на понтон, среди водяной пыли метался еврей из Тарса. Он помогал матросам, а иногда и руководил ими, и голос его перекрывал мрачные завывания ветра. Он не лгал, когда говорил, что хорошо знает море.

Удачный маневр во время шторма свидетельствует о мужестве и умении экипажа. Чтобы корпус не разошелся от сильных ударов, под киль пропустили тросы и стянули их на палубе.

Четырнадцать дней и ночей в бушующем море. На заре пятнадцатого дня, хотя волнение продолжалось, ветер постепенно начал стихать. И вот на горизонте появилась земля – какой-то остров.

Еврей из Тарса рассказывал позднее, что взял в этот момент командование на себя. Возможно. Совершенно точно известно, что он помогал кормчему. Нельзя было проплыть мимо, остров означал убежище, возможность отремонтировать судно. Когда они подплыли ближе, греческий кормчий воскликнул:

– Мальта!

Быть может, сохранился небольшой передний парус, а может, изготовили парус из подручных материалов, но судно стало послушным. Его выбросило на узкую полоску берега и разбило. Но экипаж и 274 пассажира остались живы.

Мальта оказалась надежным убежищем. Потерпевшие кораблекрушение провели там всю зиму. Весной 61 года судно, ходившее от Рима до Александрии, забрало всех и через несколько дней высадило в Поццуоли, к северу от Неаполя. Начальник римского гарнизона наградил центуриона, который доставил по назначению всех преступников, ни одного не потеряв по дороге. Центурион доложил о том, сколько пользы принес во время путешествия еврей из Тарса.

– За что тебя арестовали? – спросил начальник гарнизона.

– Соотечественники обвинили меня в том, что я ввел язычников в храм Иерусалима. Мое имя Павел.

До Рима оставалось пройти пешком около двухсот километров. Так, согласно легенде, в колонне преступников шел апостол Павел навстречу своему страшному концу.

Глава вторая
Носик Клеопатры

Римский военачальник, словно у себя дома, расхаживал по царскому дворцу в Александрии. Величественное здание поражало своим богатым убранством и роскошью. Царь Птолемей XIII вернулся во дворец лишь благодаря римским легионам. Они привезли его в своем

обозе после подавления мятежа. Римляне были хозяевами, властителями мира, а следовательно, и Египта. Шел 55 год до нашей эры.

Римский полководец желал видеть младшую дочь царя, которая к мятежу отношения не имела, а его желание было равносильно закону.

Он вошел в небольшую комнатку, отделанную золотом. Девушка сидела в окружении нескольких мужчин и женщин. Она внимательно слушала мужчину, читавшего вслух папирус на древнеегипетском языке. Девушка изучала историю своей страны, вернее, страны, ставшей родиной ее семьи. В 332 году до нашей эры македонец Александр Великий основал на месте рыбацкого поселка город, названный его именем. Когда он умер, его преемники разделили между собой огромную империю, и Египет достался знатному македонцу Птолемею. В Александрийском дворце говорили лишь по-гречески.

Все встали, кроме нее. Она выдержала пристальный взгляд римлянина. Он был молод (около тридцати), приземист, но очень красив. Его лоб казался низковатым из-за ниспадающих кудрей. Римлянин разглядывал девушку с нескрываемым восхищением. Он приветствовал ее по-латыни, она грациозно встала и ответила на том же языке. О чем они говорили дальше, неизвестно, но офицеры из его свиты утверждали, что он с энтузиазмом и не стесняясь в выражениях воздал в военных терминах хвалу приятным округлостям ее тела. Он также высказался о ее глазах, об отливающих синью волосах, о красивой линии ее носика. Он хотел увидеться с ней еще раз, но Клеопатре едва исполнилось четырнадцать лет, и ее воспитатель-евнух Аполлодор постарался предотвратить новую встречу. Вскоре военачальник отплыл в Рим. Его звали Марк Антоний.

Эдвин Лонг. Бесплодные усилия любви. 1885

«Будь нос Клеопатры покороче, иное было бы лицо земли», – иными словами, судьбы людей, а иногда и целых наций, зависят часто от несущественных причин. И действительно, в какой-то период истории власть над Средиземным морем, то есть над всем известным в ту эпоху миром, зависела не от географических, политических и экономических причин, а от любви Антония и Клеопатры.

Шесть цариц Египта носили имя Клеопатра, но слава седьмой затмила их всех. Она проявляла исключительные способности с раннего детства: с легкостью изучила несколько языков, расспрашивала путешественников и ученых о событиях в мире и все запоминала. Ее отец, Птолемей XII, человек посредственных способностей, носил прозвище Флейтист, хотя ему больше подошло бы прозвище Пьяница. О ее матери (второй жене Птолемея) известно только, что она умерла молодой. У Клеопатры были сестра, два брата и две единокровные сестры.

Когда мы говорим «Средиземное море», мы вспоминаем о синем цвете. А Клеопатра, как и прочие жители Александрии, говорила: «Великое Зеленое море». Зеленое или синее? За исключением розового (цвета розы), мы не можем быть полностью уверенными в точности названия того или иного цвета в древних языках. Глядя на это море, омывающее ступени дворца, Клеопатра мечтала о далеких странах. Мятеж, поднятый одной из ее единокровных сестер и тут же подавленный римлянами, совершенно не затронул ее образа жизни. Но после смерти отца, лишившего права наследования вторую дочь от первого брака (первую дочь, мятежницу, римляне казнили), она перестала слушать рассказы и мечтать, глядя на море.

В восемнадцать лет Клеопатра стала Клеопатрой VII, царицей невероятно богатой страны, бывшей тогда житницей Южной Европы. По египетским обычаям ее младший брат одновременно стал царем Египта под именем Птолемея XIII. Египетские обычаи, кроме того, требовали брака новой царицы с новым царем, ее братом (цель – сохранение чистоты царской крови).

Но Птолемею XIII исполнилось лишь десять лет, и брак остался незавершенным. Трое придворных, советников юного царя, решили убрать царицу, чтобы править страной от имени своего воспитанника.

Но стены дворцов имели уши задолго до изобретения микрофонов. Верный Аполлодор проведал обо всем и вместе с Клеопатрой скрылся в надежном убежище. В Сирии. Оказавшись в безопасности, молодая царица принимает решение:

– Соберем армию, вернемся в Египет и сметем заговорщиков.

В кратком рассказе нельзя передать всех подробностей, и, конечно, первую армию Клеопатра собрала не за неделю. Молодая царица скиталась по убогим дворцам мелких вассалов, ночевала в палатках, вела долгие переговоры, а Аполлодор умело раздавал «подъемные» – вывезенные из Египта золото и драгоценные камни.

Эта деятельность по набору армии не могла долго оставаться тайной. Выслушав шпионов, советники Птолемея XIII решили:

– Подавшись на чужбину и собрав наемников, царица поставила себя вне закона. Ей придется иметь дело с египетской армией. Закон на нашей стороне.

Шел 48 год до нашей эры. Обе армии двигались к Пелузию, восточному порту Египта в дельте Нила, где, как все думали, состоится битва. Но случилось непредвиденное: из Греции прибыло судно с посланцем Помпея. В Александрии уже знали, что знаменитый Помпей, бывший диктатор Рима, потерпел поражение под Фарсалой в Фессалии от своего соотечественника и бывшего тестя Юлия Цезаря, стремившегося взять власть в свои руки.

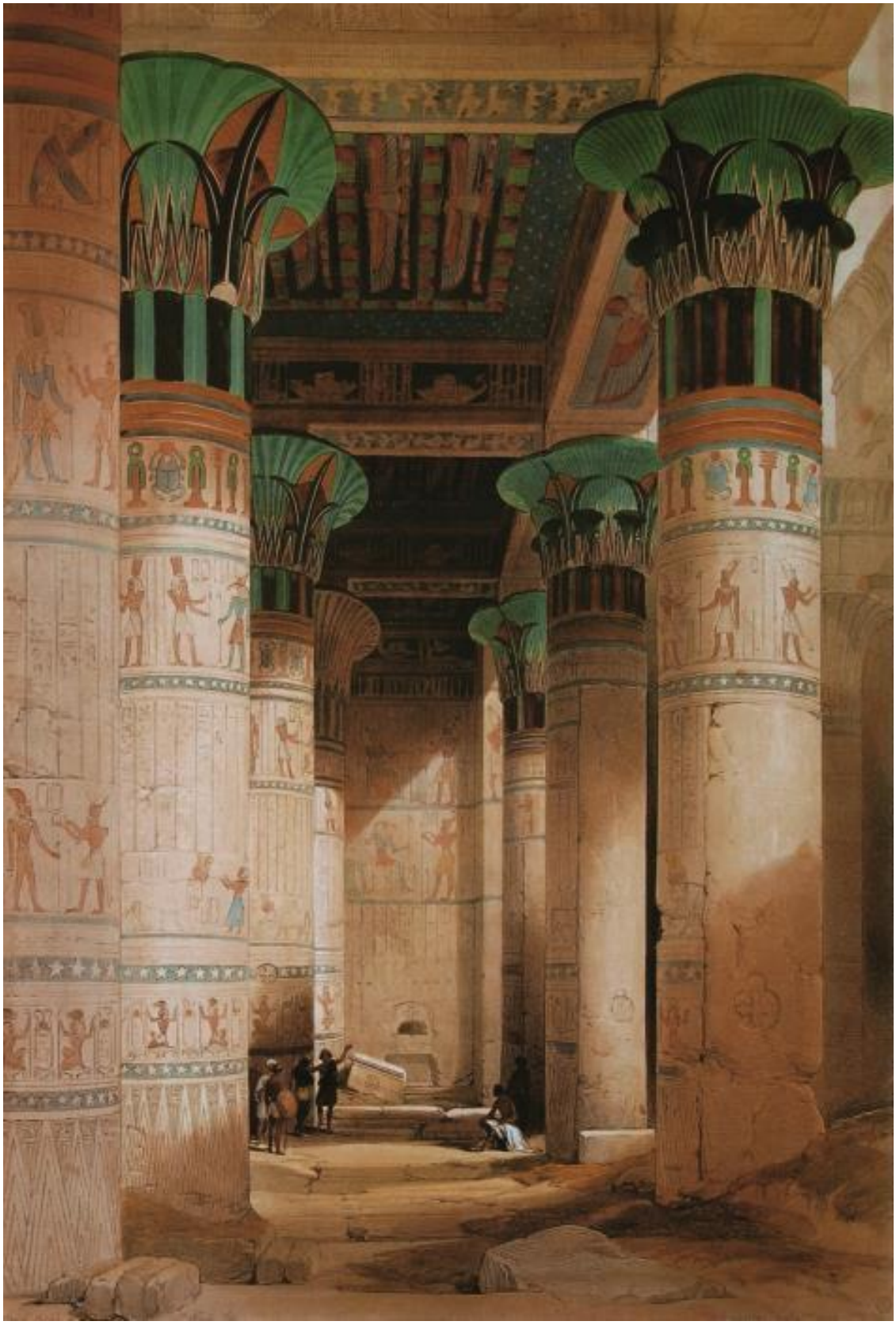
– Мы не знаем, как это событие отразится на Египте, – сообщили советники Птолемея XIII своему подопечному.

Но послание, которое принес гонец Помпея, не позволяло занимать выжидательную позицию. Побежденный полководец просил убежища у царя Египта: «Ваш отец был моим другом. Уверен, что он не отказал бы мне».

Птолемею XIII уже исполнилось четырнадцать лет. Его советники сочли, что сложилась неблагоприятная ситуация: если Египет предоставит убежище Помпею, неизвестно, какой окажется реакция Юлия Цезаря. Что он за человек? О нем шла слава умелого полководца. И заполучить Цезаря в качестве врага было бы неосмотрительно. Посланца заставили ждать.

А в Сирии Аполлодор получил донесения от своих шпионов из Александрии. Целых две недели не поступало никаких вестей, и вдруг новость из новостей! В разговоре с царицей Аполлодор не скрывал своего возбуждения:

– В Александрию прибыл Помпей. А затем Цезарь, чтобы арестовать его. Его гневу не было границ, когда он узнал, что ваш брат велел убить Помпея. Цезарь занял царский дворец, и четыре тысячи его солдат размещены в городе.



Храм Исиды на острове Филе – сакральное место эпохи Птолемеев. Рис. Дэвида Робертса. 1838

Клеопатра спокойно выслушала его, подумала и сказала своему наставнику:

– Юлий Цезарь может преследовать две цели – аннексировать Египет или сохранить римский протекторат. В последнем случае ему нужна крепкая царская власть, покорная воле Рима. Мой брат, как и его советники, не может вести переговоров с Цезарем, достойно спорить с ним. Будущее Египта в моих руках. Я возвращаюсь в Александрию.

Аполлодор. Легко сказать! Армия вашего братца по-прежнему стоит перед нами. Как поступит Цезарь, если мы нападем? Быть может, он окажет нашим врагам помощь своими легионами и с радостью избавится от нас? Ведь он знает, что вы не столь податливы, как ваш брат! Тут следует подумать.

Клеопатра. Я все обдумала. Я встречусь с Цезарем. И отправлюсь в Александрию без армии и эскорта.

Аполлодор. Вы рискуете жизнью. Войска вашего брата перекрыли все пути между Пелузием и Александрией.

Клеопатра. Я отправлюсь морем.

Конечно, этот диалог нигде не записан. Но суть его изложена античными историками, в частности Плутархом. Я пересказал его современным языком, чтобы сделать более понятным. Выбор морского пути был простым, но удачным решением, интуитивно найденным выходом. Быть может, Клеопатра, рожденная под знаком воды, чувствовала инстинктивную привязанность к морю. Инстинкт такого рода может помочь, но может и привести к гибели.

Клеопатра отправилась морем. Многие века драматурги и поэты с восхищением воспевали выбранный ею способ проникнуть к Цезарю.

Проконсул занимает царский дворец в Александрии, выслушивает доклады, отдает приказания. К вечеру, когда он почти завершил текущие дела, офицер стражи докладывает ему, что наставник Клеопатры Аполлодор явился во дворец:

– Он принес подарок фарсальскому победителю от своей госпожи. И желает вручить его вам в собственные руки.

– Введите его.

В комнату входит евнух с ковром на плече. Цезарь с любопытством глядит, как раб опускает ковер на пол и расстилает его. Внутри спрятана невысокая женщина, вернее, молодая девушка. Она вскакивает на ноги, разглаживает одежду, встряхивает головой, чтобы привести в порядок растрепанные волосы. Затем принимает величественную позу, гордо вздергивает носик и с улыбкой заявляет Цезарю:

– Я – царица Египта.

В этих событиях, как, впрочем, в любых событиях, где замешаны известные деятели, не обошлось без шпионов и недоверия. Так ли уж был удивлен Цезарь? Быть может, его предупредили. Ведь из ковра мог выпрыгнуть ловкий человек с кинжалом в руке. Трудно сказать, знал ли он заранее об уловке или нет, но хитрость пришлась ему по вкусу. Плутарх утверждал, что «такое доказательство ума и мужества Клеопатры покорило его». Аполлодор удалился, а Цезарь отослал охрану.

Очаровательной Клеопатре едва исполнилось восемнадцать лет. Увенчанному славой Цезарю – пятьдесят три. Атлетически сложенный римлянин был лыс, но весьма опытен в любовных делах.

Жан Леон Жером. Клеопатра перед Цезарем. 1866

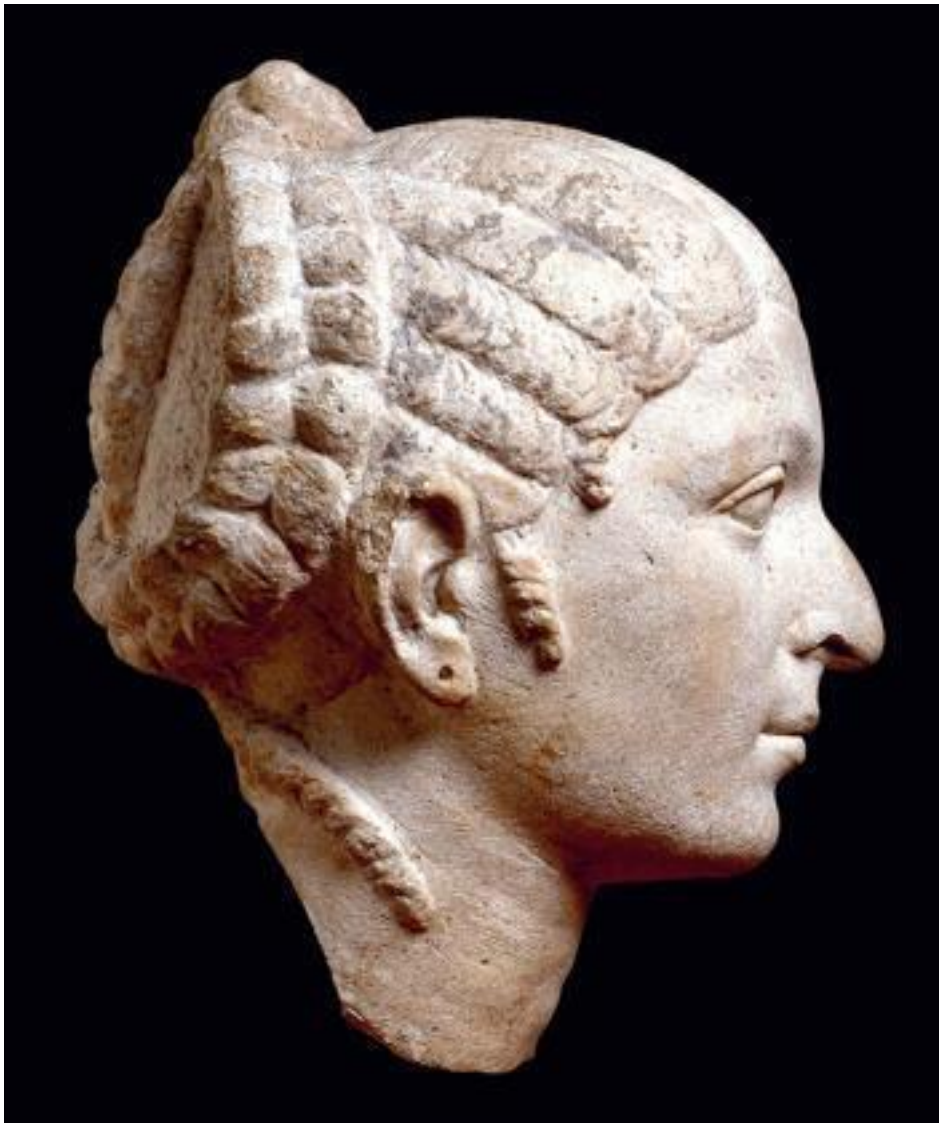
Эта связь, как и предполагала Клеопатра, имела далекоидущие политические последствия. Прежде всего Цезарь вернул юной царице трон. Птолемей XIII, которому его советники подсказали мысль организовать нечто вроде сопротивления, вовремя утонул, наверное не без помощи «благожелательной» руки. Народу сообщили, что царица вступает в брак со своим одиннадцатилетним братом, который был объявлен царем под именем Птолемея XIV. Этим Цезарь хотел показать, что не собирается превращать Египет в римскую колонию. А фиктивный брак его любовным утехам не мешал.

О своем разводе (он состоял в третьем браке) Цезарь даже не заговаривал. Клеопатра предложила совершить нечто вроде свадебного путешествия по Нилу. Тысячелетиями крупнейшие праздники и церемонии происходили на реке-кормилице. Плавание Цезарю запомнилось. Он едва скрыл удивление, увидев, сколь богато украшена царская ладья. Римские пиры показались ему убогим сельским обжорством по сравнению с пышностью и тонкостью кулинарного искусства на борту судна. Когда корабль пристал к берегу, Клеопатра явилась простершемуся у ее ног народу закутанной в прозрачные покрывала богини Изиды, а затем в объятиях возлюбленного превращалась в обычную счастливую смертную. В Гизе, Луксоре, Карнаке, Фивах покоренный покоритель видел пирамиды, храмы, гигантские памятники. Задолго до этого путешествия, в Гадесе (ныне Кадис), перед статуей Александра Великого, Цезарь (по свидетельству Светония) сказал: «Я не совершил ничего памятного в возрасте, когда этот человек завоевал всю землю». С тех пор Цезарь покорил Галлию, Испанию, Британию, но, посетив могилу великого македонца в Александрии, невольно сравнил свою судьбу и свои завоевания с судьбой и завоеваниями Александра. А сейчас увидел свидетельства славы более чем трехтысячелетней давности…

Клеопатра разжигала в своем возлюбленном стремление к величию и мало-помалу обрисовывала контуры своей мечты: мировая империя объединенных Запада и Востока. Власть над западной частью она оставляла Цезарю, а над Востоком – себе.

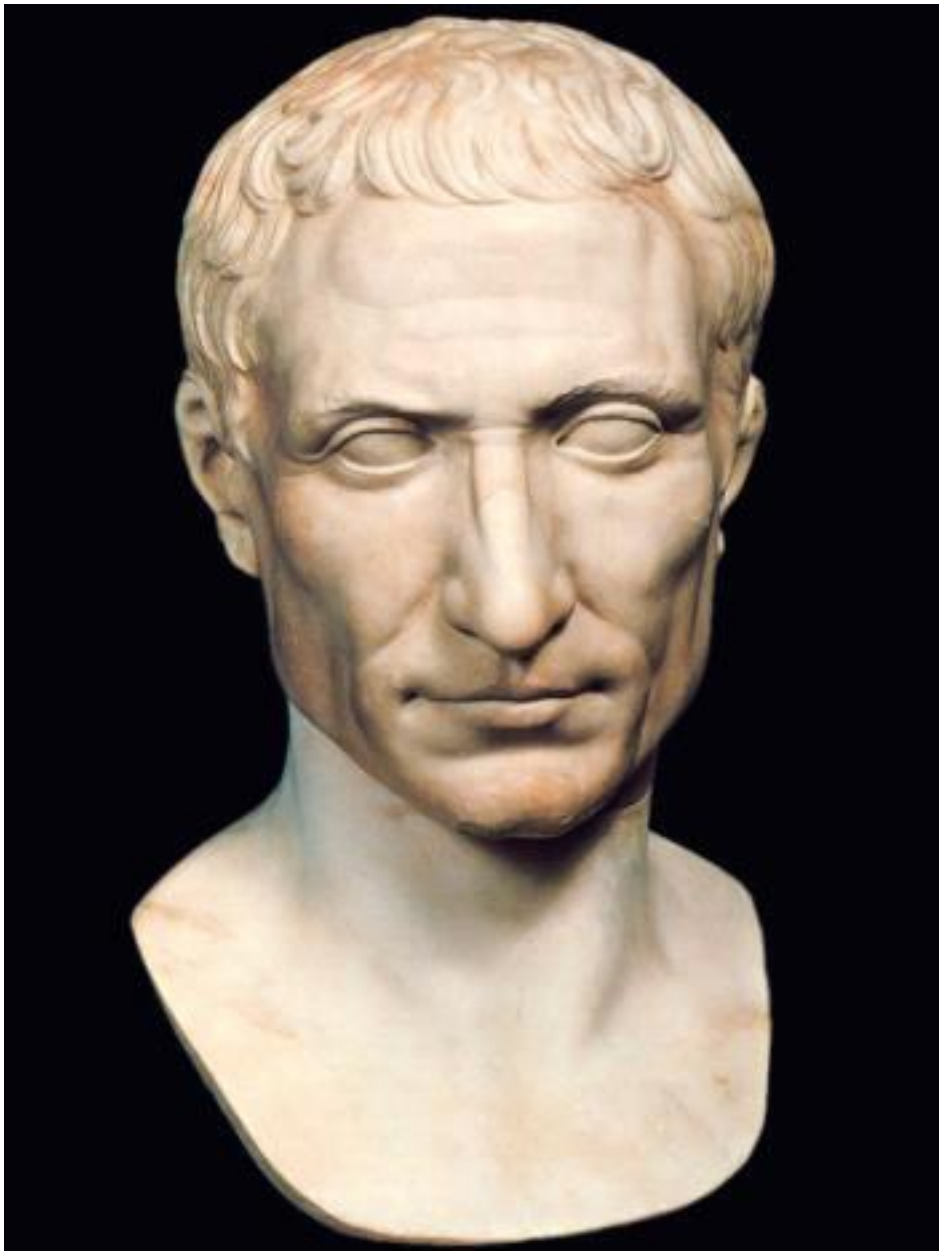
Но влюбленному Цезарю, опьяненному тщеславными замыслами, пришлось неожиданно покинуть Египет. Не станем заново пересказывать историю Рима, скажем только, что мятеж Фарнака, сына Митридата, угрожал римским интересам в малоазиатском государстве Понт,

расположенном на берегу Понта Эвксинского (Черного моря). Цезарь разбил Фарнака в первой же битве. А затем разгромил Сципиона и Юбу, которые пытались собрать в Африке армию из сторонников покойного Помпея.



Скульптурный портрет Клеопатры VII. Ок. 50–30 до н. э.

Вернувшись в Рим, Цезарь стал праздновать свои триумфы. За его долгое отсутствие их накопилось столько, что за один месяц состоялось целых четыре праздника в честь побед в Галлии, Александрии, Понте и Африке. Эти разработанные до малейших деталей пышные церемонии описывались не раз. Во время триумфа, посвященного сверхбыстрой победе над Фарнаком, при Понте, перед Цезарем несли полотнище, на котором значились три слова: «Пришел, увидел, победил», ставшие впоследствии знаменитыми.



Скульптурный портрет Гая Юлия Цезаря. Ок. 44–30 до н. э.

Клеопатра издали следила за блестящей карьерой своего возлюбленного. «Когда же состоится брак?» Наконец в Александрийский дворец пришло официальное приглашение: римский диктатор просил «нильских государей» прибыть в Рим, чтобы столица мира могла торжественно пожаловать им заветный титул «друзей и союзников римского народа».

Клеопатра вместе со своим братом-супругом высадилась в Остии в ноябре 46 года. В Риме еще не были возведены самые красивые памятники, но все путешественники Запада говорили о великолепии и оживленности столицы. В глазах Клеопатры она выглядела маленьким, грязным и шумным городком. Главным было встретиться с возлюбленным.

Ее свита выразила недовольство тем, что царицу Египта разместили в предместье, в скромной вилле на правом берегу Тибра. Клеопатра сочла бы свою резиденцию великолепной, находись в ней Цезарь, но тот жил с законной женой у себя во дворце рядом с форумом. Вскоре Клеопатра узнала, что диктатор готовит новую экспедицию в Испанию, где поднял мятеж сын Помпея. И даже назначил дату отъезда – через месяц, в декабре. «Любит ли он еще меня?»

Неизвестность мучила Клеопатру все шесть месяцев, пока длилась испанская кампания. По возвращении Цезаря она узнала, что любовь к ней прошла. Слухи о жизни сильных мира сего распространялись в те времена с той же быстротой, что и сейчас: «Один из союзников Рима в борьбе с Помпеем Младшим, царь Западной Мавритании, допустил оплошность, представив Цезарю свою молодую прекрасную супругу гречанку Эвною. Цезарь обезумел от любви – ее имя не сходит с его уст».

Два обстоятельства умеряли ревность Клеопатры. Прежде всего, ее бывший возлюбленный сильно изменился. Его лицо осунулось и пожелтело. Второе обстоятельство было более существенным. За эти полгода она тоже не оставалась верной. Ее навестил один из соратников Цезаря, попавший в немилость и отстраненный от командования войсками.

– Я до сих пор вспоминаю о нашей первой встрече во дворце твоего отца, в Александрии. Тебе исполнилось только четырнадцать лет. Уже тогда ты была прекрасна.

Марк Антоний. Он часто являлся к ней и с каждым разом становился все настойчивее. Клеопатра не давала клятв хранить верность. Но с возвращением Цезаря положение ее стало двусмысленным и неопределенным. Какое решение примет диктатор по отношению к ней? Поговаривали, что Цезарь собирается провозгласить себя монархом, но существовала сильная оппозиция. Политическая ситуация в Риме оставалась неясной. Советники Клеопатры торопили ее: «Следует вернуться в Египет». Царица колебалась. С одной стороны, она чувствовала себя в Риме заложницей. С другой стороны, все могло резко измениться: если Цезарь станет монархом, быть может, он пожелает сделать ее царицей Востока?

Жизнь решила за нее. 15 марта 44 года на улицах послышались шум, суета, крики возбужденных людей. Цезарь убит. Клеопатре показалось, что над ее головой взметнулись кинжалы убийц.

– Уезжаем. И как можно скорее.

В Александрии, вскоре после возвращения из Рима, у Клеопатры родился сын – Птолемей Цезарь. Цезарион для потомства. Историки спорят до сих пор: чей он сын – Цезаря или Марка Антония? Или третьего, неизвестного лица? (У этой гипотезы есть свои сторонники.) Жером Каркопино (французский историк) внимательно изучил римские документы, в частности переписку Цицерона (современника Клеопатры), и пришел к выводу, что роды произошли в апреле 44 года, примерно через месяц после гибели Цезаря. Проблема отцовства остается нерешенной. Как бы то ни было, «предполагаемый сын Цезаря» будет знаменем оппозиции, выступившей против Октавиана, приемного сына Цезаря (по завещанию). Позже Октавиан примет титул Августа.

И снова возьмем из римской истории только интересующие нас эпизоды. Один из триумвиров[10], Октавиан, получивший власть после смерти Цезаря, правит Римом, а следовательно, и Западом. Второй, Марк Антоний, управляет римскими владениями на Востоке (богатства, пиры, женщины). Вскоре он прибывает со своим штабом в город Тарс (ныне Тарсус, Турция), стоящий на берегу реки Кидн (ныне Тарсус-чай). Из Рима в Тарс Марку Антонию летят официальные и неофициальные доклады. В некоторых из них упоминается о Клеопатре: «Царица Египта поддержала деньгами и солдатами скрывающихся в Македонии убийц Цезаря, где они ведут борьбу с легионами триумвиров».

Маловероятно! Тем более что Брута и Кассия уже не было в живых. В других посланиях утверждалось, что Клеопатра отравила своего брата-супруга, чтобы посадить на трон Цезариона. Марк Антоний пожимает плечами: «Семейные дела!»

Однако даже среди грубых развлечений во время инспекторской поездки его продолжало терзать воспоминание о бывшей возлюбленной – прекрасной, утонченной и образованной царице, рядом с которой он ощущал себя увальнем. Он решил, что, призвав Клеопатру и потребовав от нее объяснений, он тем самым поставит ее в зависимость от себя. И эта мысль, хотя и лишенная благородства, разжигает его страсть. Он отправил в Египет эмиссара с приказом доставить к нему Клеопатру.

[10] Один из участников тройственного политического союза влиятельных полководцев (триумвирата) с целью узурпации власти.

Рельеф с изображением Клеопатры и Цезариона в храме богини Хатхор в Дендере. I в. до н. э.

Клеопатра явилась. На изукрашенном золотом судне с высокой кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. Рабы гребли под звуки флейт, лир и свирелей. Чтобы заглушить запах пота гребцов, на палубе судна в тысяче кадильниц дымились благовония. На палубе среди морских волков расхаживали очаровательные полуобнаженные женщины. Короче говоря, явление в духе супербоевика Голливуда. Римские солдаты и офицеры с изумлением взирают на эту феерию.

Храм богини Хатхор в Дендере. Рис. Дэвида Робертса.
1838.

Марк Антоний поражен и раздосадован – Клеопатра отнюдь не выглядит зависимой от него! – но, решив продолжить игру, посылает на судно своего адъютанта и приглашает царицу на ужин. Посланец возвращается с контрпредложением – царица предпочитает видеть триумвира со свитой у себя на судне. Марк Антоний колеблется, потом соглашается.

Галера Клеопатры освещена множеством факелов. Приглашенные входят в залу, пол которой устилает толстый ковер розовых лепестков. Золотая посуда инкрустирована драгоценными камнями. Стены обтянуты вышитым шелком, играет оркестр, изысканная еда. И лучшее украшение праздника – сама царица. Она расцвела после родов. Клеопатра элегантна, надушена. Драгоценностей на ней не меньше, чем на любой римской выскочке, но с каким вкусом они подобраны! И по-прежнему она умело ведет беседу на многих языках. Сама мысль потребовать каких-либо объяснений у такой женщины выглядит просто смешной.

Марк Антоний приглашает царицу к себе на следующий день. Но все ухищрения его домоправителей остались тщетными – римский обед оказался грубой карикатурой на вчерашний пир. Клеопатра притворилась довольной и находчиво отвечала на грубоватые шутки военных, а ее кокетливые взгляды и улыбка разили наповал – Марк Антоний влюбился, как в свое

время Цезарь. На следующий день Марк Антоний возвращается на волшебную галеру и остается там на ночь.

Клеопатра любила Цезаря со страстью, но он не оправдал ее надежд. Неизвестно, по каким причинам египетская царица решила покорить Антония: может быть, она хотела совершить месть post mortem (посмертно) или в ее сердце разгорелась новая страсть, а может, она стремилась обеспечить себе могущественного защитника или еще не перестала мечтать о двойной короне Запада и Востока, которую мог разделить с ней лишь Марк Антоний? Во всяком случае, она вскружила голову Антонию, пустив в ход все свои женские чары и знание психологии. Успех был ошеломляющий. Современники даже говорят о колдовских настоях и напитках. Триумвир запутался в любовных сетях. Но не окончательно.

Лоренс Альма-Тадема. Антоний и Клеопатра. 1883

Из всех легенд, относящихся к тарсийской идиллии, расскажем лишь одну, не столь уж невероятную на первый взгляд.

Клеопатра заключила с Антонием пари, что сможет истратить на один ужин вдвоем сумму, равную примерно трем миллионам франков. Арбитром выбрали римлянина Планкта. Ужин, столь же пышный, как и обычно, подходил к концу. Планкт вел счет, который далеко не доходил до оговоренной суммы. Антоний торжествовал, но тут царица велела принести кубок с уксусом и бросила туда серьгу – громадную жемчужину, а затем отпила глоток жидкости, в которой она растворилась. Арбитр тут же признал ее победительницей, помешав ей вынуть вторую жемчужину из уха.

Марку Антонию было над чем поразмыслить – и о богатстве Египта, и о хитростях его правительницы. Несравненная Клеопатра могла стать неоценимым политическим союзником.

«Любит ли он меня?» Клеопатре не хотелось опять оказаться в невыгодном положении, в которое ее в свое время поставил Цезарь. Она внезапно отбывает в Египет. «Если он меня любит, то последует за мной». Столь высокопоставленная персона, как Антоний, – почти миро-

вая величина того времени – не мог тут же бросить дела ради юбки. Он выждал несколько месяцев, а затем отправился в Александрию.

Здесь имеет место исторически подтвержденный эпизод – «сладкая жизнь» на древний манер. Идет 43 год до нашей эры. Александрия, с ее портом, банками, памятниками, библиотекой, во многом превосходит Рим. Это торговый и культурный центр мира. Клеопатра и ее возлюбленный – боги, власти и богатству которых нет предела. Их окружает двор льстецов, пытающихся предугадать их малейшие желания.

– Давай выберем себе, – сказала Клеопатра Антонию, – нескольких друзей, чьи поступки не сможет повторить никто в мире.

Их назвали Неподражаемыми. Каждый вечер дюжина привилегированных фаворитов и фавориток участвует в развлечениях Клеопатры и Антония. Каждый вечер им подают восемь кабанов, сотни морских ежей, дюжины каплунов, лангустов, уток, зайцев, севрюг, спаржу, фрукты, медовое печенье. Слухи об этом гастрономическом безумии доходят до Рима и вдохновляют кулинаров империи во время изысканнейших пиров. Рекой льются лучшие египетские и заморские вина. Между переменами блюд – песни, музыка, мимы, известнейшие лицедеи – все это только для кучки избранных. И часто пиры завершаются эпизодами «сладкой жизни» а-ля Феллини – участники переодеваются и обходят притоны, не всегда сохраняя свое инкогнито. Их охраняет специальная гвардия.

Восемнадцать месяцев «сладкой жизни». Такие развлечения грозят несчетными опасностями честолюбивому триумвиру в момент, когда могущество Рима растет и крепнет. Антоний решает уехать, и не только потому, что осознает свой промах. Воитель отдохнул, ему пора действовать.

– Парфяне зашевелились. Надо их успокоить.

– Парфяне не опасны. А я жду ребенка.

– Я уезжаю.

– Марк Антоний требует вашего приезда в Антиохию, в Сирии.

Клеопатра молча смотрела на посланца. С момента безжалостного «Я уезжаю», еще звучавшего в ее ушах, прошло целых три года. После отъезда триумвира у нее родилась двойня – Клеопатра Селена и Александр Гелиос (дочь Луны и сын Солнца). Дети уже ходили и лепетали. Целых три года царица Египта издали следила за успехами своего возлюбленного, вначале с тоской, а затем с гневом, поскольку ей стало известно, что после девятилетнего вдовства Антоний женился на единокровной сестре Октавиана, чтобы помириться с последним.

– Отец моих детей гнусно обманул меня.

Она запретила произносить его имя в своем присутствии. Три года унижений, а теперь это послание! В ту эпоху любая правительница, столь же страстная, как Клеопатра, немедленно лишила бы жизни гонца. Но эта обуреваемая страстями женщина умела рассуждать: «Антоний порвал с Октавианом, он признан всеми как властитель Востока. Стоит ему захотеть, и он в один миг уничтожит мое царство. Мудрость подсказывает необходимость союза, нерушимого пакта. Я его добьюсь, лишь снова возродив любовь Антония». Результат приезда Клеопатры в Антиохию показывает, насколько верным оказался ее расчет. Чары царицы были по-прежнему сильны, и ей заново удалось покорить Антония.

Антоний разводится с Октавией и заключает брак с царицей Египта. Он принимает титул автократора Востока, оставляя маленького Цезариона царем Египта. Антоний дарит Клеопатре Кипр, Крит, долину реки Иордан, Ливан, северную часть Сирии и (трогательная забота!) город Тарс, место незабываемой встречи. Со своей стороны царица обязуется предоставлять по первому требованию Антония все, чем располагает Египет.

Медовый месяц длится девяносто дней. Затем надо снова идти войной против парфян.

– Я отправляюсь с тобой, – сказала Клеопатра.

В начале 36 года до нашей эры проводники верблюжьих караванов, расположившихся вокруг громадной Антиохии (больше 200 000 жителей), смотрели вслед войску, уходящему вдаль по пыльной пустыне. Воины в тесном строю шли вокруг носилок автократора и царицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.